

Герои Вселенной

МАКСИМ ВОЛОСАТЫЙ

ЛЕГИОН ВЫРОДКОВ

Максим Волосатый

Легион выродков

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4970664

Максим Волосатый. Легион выродков: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62234-4

Аннотация

Далекое будущее. Где-то на окраине Галактики... Егор Савойский служит курьером в отделе внеземных контактов Управления Фельдъегерской Связи Земли. Он достиг самого высокого ранга, относительно молод, весьма опытен, прекрасный профессионал, единственный недостаток – боится потерять работу, отправиться на Землю в бессрочный отпуск. Во время выполнения очередного задания Егор попадает в плен к космическим пиратам. Как офицеру ФСЗ ему грозит немедленная смерть, но судьба распорядилась иначе. Егора выкупает из плена главарь банды галактических наемников, известной как Легион выродков. И такую «милость» придется отработать. Перед офицером Савойским нелегкий выбор – вернуться на Землю с клеймом предателя или навсегда остаться в Космосе...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	76
Глава 5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Максим Волосатый

Легион вырожденков

Часть 1

Глава 1

Убил бы. Нет, вот ей-богу, убил бы! А вы бы на моем месте что сделали?

Второй час ночи, тишина, управление как вымерло. Ну так а что тут ночью делать? Редкие огоньки дежурного освещения, еле теплящиеся индикаторы сигнализаций, и все. Сонный полумрак коридоров, еле слышное шипение отползающих в сторону дверей, короткие писки сканеров систем безопасности, удивленно фиксирующие поздний визит. Только где-то, далеко впереди, теплится жизнь – оперативный пульт орбитального комплекса УФЕС-В, Управления Фельдъегерской Связи «В». Нет, дальше-то понятно: дальше непрерывный карнавал и сумасшедший дом – орбитальная База Луны. Космопорт, грузовые терминалы, гостиницы... Там жизнь вообще не останавливается никогда. Но в небольшом кубе блока Управления, прилепившегося к одному из стыковочных узлов Базы, все спокойно и размеренно. День

работаем, ночь спим. Ну, у кого как, правда...

В общем, в этой части Управления сейчас тихо, сонно и спокойно. Бреду я себе беззаботно по коридору и тут слышу: «Шух-шух, шух-шух». Мгновенно разворачиваюсь. Никого. Прислушиваюсь – тишина. Ладно. Двигаем дальше. «Шух-шух, шух-шшух». Мерзенько так, с потягом в конце. И тишина. И полумрак.

Голова отлично соображает, что никого чужого тут быть не может. В Управление мало того, что просто так не войдешь, пока система тебя по восемнадцати параметрам не проверит, так еще и в каждой секции сканирующие модули стоят. Шутка ли, Управление «В», внеземные контакты. И вот тебе на, бродит кто-то. Не свой, своих я по шагам всех знаю, таких нет. И все же: «Шух-шух, шух-шшух». Дальним курьерам личное оружие вообще-то положено, только кто ж его с собой таскает, на кой ляд оно на кораблях и тем более в Управлении? Я, например, свой «Шторм» вообще забыл, когда из ящика в рубке доставал. А вот сейчас пожалел. Хотя мне и без него хватит. Покажите мне существо в пределах Солнечной системы, с которым не справится дальний курьер, я его вам на ужин подам. Большие дикие звери с Земли на орбиту попасть в принципе не могут, а проникновение во внутрисистемное пространство любого активного *конвергена* или кого-нибудь другого инопланетника – это из области сказок. Их еще на подходах к Фильтрационному поясу отлавливают.

Так, а теперь тихо. Посмотрим, что у нас тут за зверушка завелась. И вот, зараза, как назло, все стихло. Ни звука. Шаг, другой... Что у нас сзади? Ничего. Значит, за поворотом. Ну!

– Твою!.. Туда в... чтоб тебя...

Ну что тут скажешь? Нервы? Да какие там нервы, обыкновенная глупость. Моя глупость.

Я вылетел из-за поворота коридора, готовый крушить и пробивать... и в миллиметрах удержал удар. Под скудным ночным освещением блестела свежесбрита лысина существа, медленно разгибающегося от стоящего на полу аппарата дезинфекции. Фильтр он менял, видите ли...

– Ты что ж?..! – больше я не нашелся что сказать. Да и что ему скажешь?

На гладкой, одутловатой физиономии *стерилата* не отразилось ни единой эмоции. Да, с другой стороны, откуда там взяться эмоциям? Стерилаты были одними из двух видов конвергенов, которым разрешено находиться в пределах Солнечной системы. Вторыми были *интрепиды*, или «бесстрашные». Существа (язык не поворачивается назвать их людьми), у которых в результате генных изменений подавлено чувство страха. Эти тоже бывают двух видов: те, которым все равно, потому что они чересчур возбудимы, и те, которые ничего не боятся, потому что им вообще все равно. И если первые как раз и сохранялись силовиками для всяких и разных нужд, то вторые... То со вторыми поступали как со

всеми выявленными конвергенами: на транспорт – и вперед. Галактика огромна – удачи тебе, тормоз.

Но речь сейчас не о них. Речь вот об этом конкретном овоще, который (чего уж греха таить) чуть не до полусмерти напугал одного из дальних курьеров, вызванных на работу во внеурочное время. Хотя когда оно бывает урочным для фельдъегерской службы? На орбите свое время, во всех часовых поясах Земли свое, а космос вообще не знает ни дня ни ночи. Это люди его переделывают под себя.

Стерилат свел глаза в кучку, внимательно рассматривая мой кулак, зависший в миллиметрах перед его лицом. Правильно, раз человек что-то показывает, значит, надо смотреть. Захотелось его пнуть.

– Что ты здесь делаешь? – Это шипение вышло у меня вместо пинка.

– Дезинфицирую коридор, – ровным голосом сообщил он, и мне захотелось пнуть уже себя. Нашел что и кого спрашивать. У этого тела сохранены только базовые функции, пригодные для выполнения простейших заданий. Рабочий скот. А логическое мышление дальше алгоритма «вопрос – ответ» не идет в принципе. Ему развернутые вопросы задавать без толку. Что делаешь – убираю. Спросишь, зачем, он ответит, потому что испачкалось.

– Причина загрязнения? – я постарался максимально упростить процесс выбора ответа, стараясь успокоиться. Что толку злиться на кофеварку?

– Процедура «Си-12», – тем же невыразительным голосом сообщил стерилат.

Оп-па! А вот тут завис уже я. «Си-12» – это вам даже не химический аэрозоль. И не бактериологическое загрязнение, с которым и без этого «тела» справятся дезоизлучатели, натканные по всем коридорам. Это, други мои, летучие генетические модификанты, после которых, помимо всех стационарных процедур, проводится еще и уборка вручную вплоть до первого молекулярного слоя.

Я покосился на чистящий аппарат. Индикаторы горели фиолетовым. Все правильно – глубокая очистка. Я фыркнул про себя. А что я хотел увидеть, с другой стороны? Сообщение, что тут уронили мороженое?

Видимо, мое раздумье затянулось больше положенного, поскольку стерилат решил, что полностью удовлетворил потребности высшего существа, и вернулся к своей работе. «Шух-шух, шух-шшух». С потягом в углу, чтобы гарантированно прочистить стыки. Ну, как же, инструкция...

Вот так-то. Я развернулся и пошел вперед уже гораздо быстрее. Бодрее, я бы сказал. В отличие от стерилата, с моим логическим мышлением было все в порядке, и оно быстренько соорудило нехитрую цепочку, в принципе объясняющую этот вызов.

«Си-12» проводится после геномодификантов, но никакой тревоги нет и в помине, дезинфекторы в своих сюрреалистичных скафандрах, похожие на сказочных чудовищ, не

бегают вокруг, заливая окрестности воем сирен и характерным ядовито-желтым светом индицирующих фонарей. Значит, здесь просто пронесли контейнеры, после которых и положено проводить очистку. Все? Еще какие-то размышления нужны? Везем контейнер с этой гадостью. Вопрос только, куда? Ну, это сейчас мне расскажут.

В раздевалке жизнь уже чувствовалась сильнее. Свет горел как положено. По информационным экранам струились данные. Сбои в полетных планах космопорта, сила солнечного ветра, вероятные возмущения пространства, передвижение малых и сверхмалых небесных тел по системе и тому подобные сведения, согласно которым корректировались маршруты полетов. И хоть по-прежнему ни одного человека вокруг, но это все же не мертвенная тишина ночных коридоров. С этим «шух-шух, шух-шшух». Вот привязалось же. Странно, но меня после этой встречи не отпускало какое-то непонятное чувство. Нет, не дурное предчувствие. С предчувствиями все просто. Если тебе внутри не летится, просто сообщаем диспетчеру, и тебя меняют. В нашем деле интуиция – сила страшная, и ни один дэ-ка, дальний курьер, в капсулу не сядет, если у него внутри хоть что-то не в порядке.

Чувство, которое поселилось у меня внутри, на нехорошее не тянуло и близко. Необычное, может, так? Нет, тоже не то. Я взялся за ручку своего шкафчика, где хранилась внутренняя форма, да и замер. С этим чувством надо разобраться-

ся. Страх? Настороженность? Опаска? Предчувствие беды? Нет, все не то. Нехорошим тут не пахло. Пахло просто... Изменениями. Вот оно, то слово!

Изменениями? Я насторожился. Дальний курьер берет на борт запечатанный контейнер, в котором может храниться все что угодно, и доставляет его в точку назначения. И любые изменения в этом процессе означают только одно – проблемы. Серьезные проблемы, учитывая то, что повседневные мелочи фельдъегерской связью не повезут. Так что же это за чувство? Я еще раз попытался залезть себе в голову, но добился лишь того, что чувство вообще спряталось. Бывает так, сами знаете, как только начинаешь на ощущения смотреть пристально, они тут же делают вид, что их тут вообще не стояло. Хотя еще раз набрел на понимание, что плохого меня ничего не ждет. Просто изменения. «Шух-шух, шух-шух...»

Хрен с ними. Я потянул ручку и начал переодеваться. Времени и так мало. На внутренней стороне дверцы бежали цифры, показывающие, насколько я успеваю уложиться в норматив, предусмотренный для таких случаев. Ха, так у меня еще двадцать минут. Вагон времени.

Куртку долой. За ней брюки, майка, ботинки. Тело приятно облегла летная форма. Создатели специально старались сделать ее максимально приятной на ощупь, потому что именно в ней курьеры проводят почти все полетное время. Удобные высокие ботинки, спас-комплект, растянутый

по всему пространству куртки. Теперь активировать систему жизнеобеспечения и наблюдения, проверить надежность всех контактов, запустить диагностику датчиков, еще раз перетянуть все пряжки и застёжки. Вообще-то времени в полете должно быть более чем достаточно, но что за чертovo задание тебя ждет, ты не знаешь никогда. Случается всякое, и бывает, что прямо из командного отсека ты прыгаешь в капсулу, и потом у тебя за два следующих дня времени нет даже на то, чтобы в туалет нормально сходить. И тут уж кляни не кляни себя за неправильно подогнанную форму – поздно. Мне, например, моего второго в жизни полета, когда я вот именно так, не застегнув толком разгрузку спас-комплекта, рванул в Пояс Астероидов, хватило на всю оставшуюся жизнь. Там спасатели, вытаскивающие пропавших ученых, сами попали в аномалию, и у них вылетели блоки распознавателей материалов – сердце приборов, позволяющих видеть внутреннюю структуру любого объекта. Счет там шел на часы, спасатели сами потихоньку тонули в облаках астероидов, все больше и больше отдаляясь от реперных буев, и мне пришлось стартовать сразу же, как только диспетчер отдал мне небольшой контейнер с блоками. А на орбите Луны как раз столкнулись два лайнера, и система движения привычно превратилась в хаос. А у меня время, время... Только я из этой каши выбрался, как поблизости от Марса меня догнал порыв солнечного ветра. Ну, я бы даже сказал – ураган. В итоге завис один из блоков ориентации, и пока я

его диагностировал и менял, то добрался как раз до пояса. А там на подходе меня где-то микрометеорит саданул – система защиты-то не работала по милости этого зависшего блока. Задача упростилась до неприличия: успеть поменять блок, пока весь воздух не вышел. Не получилось. Я в первую очередь дышать хотел, знаете ли. Хотя и лететь тоже надо было – время, время... В итоге подышать толком не удалось – утечка стала критичной, пришлось лезть в «последнюю капсулу». Это коробка такая с манипуляторами, типа скаффандра, в которой можно как раз при случаях разгерметизации проводить ремонтные работы – у нее обеспечение автономное. Штука надежная, но оч-чень неудобная. Ненавижу ее.

Короче, я успел, все обошлось, но беда была в том, что все это время спас-комплект ездил у меня по всей груди. А он, поверьте, не легкий и не мягкий. Две недели потом к груди не мог прикоснуться, кожу чуть не до ребер стесало, как рубанком.

Поэтому с тех пор я, да и любой другой курьер (я же не один такой «везунчик», каждый через подобное прошел), к вопросу экипировки подхожу ответственно. Как говорит наш командир: «Проблемы – лучший учитель». Теперь поздравлять себя немного. Нигде не трет? Норма. Попрыгаем. Похлопаем в ладоши. Датчики не болтаются? Не болтаются. Все, к жизни в космосе готов. Сколько у нас там времени? Семь минут? Ай да я, ай да молодец! Двинулись.

По мере приближения к командному центру, где распо-

лагался оперативный пульт, жизнь начинала чувствоваться все отчетливее. Нет, коридоры по-прежнему были пусты и погружены в полумрак, но КП находился уже совсем близко к блокам Лунной Базы, и кипящая на ней жизнь ощущалась даже через толстые внешние стенки и ряды переборок. Эй, не смейтесь, это не причуда и не метафора. Любой пилот, летающий на дальние расстояния, скажет вам, что все обстоит именно так. Когда посидишь неделю-другую по земному времени в закрытой капсуле без связи, начнешь чувствовать жизнь хоть на другой стороне планеты. И вообще, у дэ-ка чувства обострены до предела. Нас и отбирают специально с учетом этого параметра, и потом еще натаскивают. Потому что приборы приборами, а решение посреди парсеков пустого космоса в итоге принимать тебе. И при недостатке информации (а где ее взять в пространстве?) интуиция и чувства выходят на первый план.

В общем, перед дверью, ведущей непосредственно к КП, я проснулся окончательно. Глянул на часы, светящиеся на электронном замке. Ха, на две минуты раньше. Неплохо.

Восемь цифр, код вызова, время, когда система фиксирует начало выполнения задания. Сейчас начнется.

– Собака, – произнес металлический голос.

– Собака, – послушно повторил я.

Голосовая идентификация.

– Что видите на картинке? – Из замка выдвинулся небольшой бинокляр. Предлагалось рассмотреть картинку и заод-

но сверить сетчатку глаза.

– Роза, – сообщил я. – Синяя.

Бинокляр убрался обратно, и замок еле слышно зажужжал, обрабатывая данные моего эпителия, снятые с оправы. Генокод. А я ли это к нам пришел? Мне стало чуточку весело.

– Введите код доступа, – автомату смешно не было. Наступала фаза четкости. У меня десять секунд. Не успею – спеленают, как младенца, у нас с этим строго.

Пик, пик, пик, пик, пик... пик. Я всегда немного издеваюсь над автоматикой, вводя последнюю цифру с задержкой. Хотя это, конечно, идиотизм чистейшей воды. Какая автомату разница, как я код ввожу? Ему важно, уложился я во время или нет.

Уложился, понятно. Дверь коротко прошипела и поехала в сторону. По идее, за ней сейчас должен стоять кто-то из охраны. Так сказать, живой щит. Последний. Сегодня это Евгений, кажется.

...Не Евгений.

Из-за отъехавшей двери на меня глянули два внимательных серых глаза, приоткрытых чуть шире, чем у обычного человека. Стоящий перед дверью человек на первый взгляд не выделялся ничем. Ни особой стати, ни особой формы, ни особого оружия. Человек себе, и человек. Только нервный какой-то. Казалось, он не может спокойно стоять на одном месте. Его тело постоянно совершало какие-то микродвиже-

ния. То палец шевельнется, то глаз дернется, то голова сдвинется на волос в сторону. Не знакомому с этим явлением чужак показался бы странным. Я был знаком, и мне он не казался ни странным, ни... человеком.

Интрепид. Бесстрашный. Существо, так же как все конвергены, сохранившее внешние и большинство внутренних признаков человека, но человеком, тем не менее, не являющееся. На современной Земле интрепиды используются только в качестве бойцов. Ближний круг охраны, не жалеющие себя ради охраняемого объекта, либо спецчасти, бросающие не ведающих страха бойцов в самые жаркие мясорубки, то и дело вспыхивающие на всем пространстве, окружающем внешне абсолютно благополучную Землю.

Бесстрашные не знали слова «невозможно». Для них мир четко делился на две неравные части: «приказ» и «смерть». А свою жутковатую славу они заслужили тем, что значимость второй части у них была значительно меньше. Любой из оставшихся на Земле людей слишком ценил себя, чтобы на равных противостоять существу, для которого разница между существованием и небытием была весьма условной. А интрепиды знали только то, что приказ должен быть выполнен в любом случае, и шли к этому выполнению, невзирая ни на какие препятствия. К слову, потеря руки, ноги, головы и прочих органов тела тоже не считалась препятствием.

Я вздохнул про себя. Тут мы, дэ-ка, с ними очень похожи. Да что там похожи, одно лицо: нам тоже умирать мож-

но только после выполнения задания. Хотя считать себя равным нелюдям было как-то странно.

– Егор Савойский, – коротко бросил я.

Не пытаюсь поставить на место нелюдя, чего мне с ним делить, просто оповещая, что я тот, кого можно пропустить. Еще одна, считай, автоматическая проверка.

– Дэ-ка шестой группы допуска, вызван оперативным дежурным. Наряд номер 24–21.

Интрепид моргнул, на сей раз осмысленно, дернул плечом чуть сильнее и, освобождая проход, скользнул в сторону неуловимым движением. Настолько неуловимым, что я, дэ-ка, которому диссонансные явления окружающего мира вбивались в чувство опасности на уровне рефлексов, сам чуть не прынул вбок, уходя с линии атаки. Очень уж непривычно быстро двигался «бесстрашный». Неприятно быстро. Слушай что, с этими противниками лучше не встречаться.

– Ха, полторы минуты запаса. Ровно. Секунда в секунду. Узнаю школу старика Шамеля, – прогудел откуда-то из-за прозрачной стены, перегораживающей помещение, знакомый голос. И опять... Голос был знакомым настолько, что, диссонировав с ожидаемой обстановкой, он не хуже интрепидовского движения заставил весь мой организм подобраться и напрячься. В третий раз за последние двадцать минут. Да уж, задание выходит что надо.

Этот голос тут раздавался редко. Но если раздавался, то ординарным случаем не пахло и близко. Но чувство опасно-

сти молчало. Не было ее впереди. А вот изменения, те самые «просто изменения», были. И я их чувствовал, как только что съеденную конфету. Странную конфету, надо сказать.

Ой-ей-ей, что же такое-эдакое происходит в и без того нескучной жизни дальнего курьера Управления Фельдъегерской Связи «В» Егора Савойского? Что-то непонятное... Ну, да сейчас разберемся.

Это уж потом, когда все произошло, я понял, насколько был наивен. Разберемся, как же. Ага... Но это было потом. А сейчас все казалось простым и понятным, как приказ на экспедицию, который я должен был вот-вот получить.

– Хорошо он все-таки вас дрючил в Академии на пунктуальность и запас по времени. Ничем его наука не вышибается, – крупный седоволосый мужчина в мундире Экспедиционного Корпуса Земли вышел из-за стойки с уникомпами. Его гулкий бас заполнил просторное помещение оперативного центра. – Хотя надо отдать должное и тебе. Наука без практики ничто. Молодец. Орел.

Внушительная лапища хлопнула меня по плечу.

– А возмужал, возмужал, настоящий волк дальнего космоса, – мужчина расплылся в добродушной улыбке. – Ну, здравствуй, дэ-ка шесть, Егор Савойский.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – мои губы сами собой расплылись в улыбке.

На самом деле я не считал, что за год, который мы не виделись, я так уж сильно изменился и возмужал, но похвала

самого Парсека, как еще в незапамятные времена прозвали командира одного из самых известных крыльев Экспедиционного Корпуса, тогда еще просто майора Дмитрия Ивановича Дыхова, была приятна. Тем более что для меня он так до сих пор и остался дядей Митей. Другом, нет, пожалуй, все же не другом, а скорее близким приятелем семьи, но тем не менее...

Это его рассказы, отдающие ледяным дыханием дальнего космоса, остались у меня чуть ли не самыми яркими воспоминаниями детства. Это его мундир, сидящий как влитой, считался у меня самой модной одеждой чуть ли не до окончания школы. Это его энергетика и торжественность, с которыми он рассказывал о бесстрашных эскортовцах, охраняющих рубежи человечества, сподвигли меня наплевать на увещевания родителей и пойти в Академию Космофлота, оставив в стороне чинные перспективы чистой науки, которую так уважали большинство наших знакомых, поднимающихся с поверхности Земли только для участия в модных вечеринках в космосе. И это его незримое присутствие поддерживало меня долгих три года Академии, за которые каждый из нас, курсантов, не раз и не два проклял свою романтичность, так здорово кружившую голову девчонкам на поверхности. Нам она тоже кружила. Правда, по-настоящему. И не только голову и не только на поверхности.

Но это именно он, тогда еще (или уже) генерал-майор, перед самым выпуском специально приехал в Академию вме-

сте с немолодым суховатым полковником, на рукаве которого красовалась эмблема космической фельдъегерской службы – перечеркнутая курьерским клипером сургучная печать, и, ткнув в меня пальцем, сообщил ему:

– Вот, Степаныч, поверь моему слову, из этого выпуска лучше него тебе не найти.

И суховатый Степаныч (начальник управления кадров УФЕС, так, на секундочку) поверил ему. Я – тоже.

И сейчас, оглядываясь назад, я иногда спрашиваю себя, а жалею ли я о своем выборе? Что позади? Черета подружек. Ни дома, ни семьи, ни детей. Десяток друзей да куча наградных листов. Да «шестой допуск» – предпоследняя ступень перед почетнейшей службой на поверхности, о которой мечтает большая часть дэ-ка. Тоска, скажет кто-то? А вы повернитесь вперед.

Против всего этого у меня есть только космос. Его бездонная и бесконечная глубина. Вечная чернота, в которой плавают хрустальные капли звезд. А над истерикой психологов, пытающихся придумать, как можно уберечь тонкую человеческую психику от «давящего» космоса, я всегда посмеивался. Про себя, правда, а то точно упекут на поверхность. Им ведь не объяснишь, какой восторг охватывает тебя при полете. Одином полете. Когда есть только ты и Вселенная. И ты и есть Вселенная, а Вселенная и есть ты.

Вы тоже посчитали меня странным? Зря. Я нормальный. И выпить люблю, и девушек. Даже футбол. И подраться по

пиву. Ну, так, иногда... Со «смежниками» из Космофлота. Для разминки. Но это не мешает мне любить космос и знать, что он существует и для меня тоже. Я никогда не тяготился одиночеством в пространстве. И, наверное, никогда не стану тяготиться.

Дыхов тогда правильно угадал. Он, говорят, всегда «угадывает» правильно...

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант.

– Вольно, – «дядя Митя» и не подумал гасить довольную улыбку. – Ну как, дэ-ка, готов к очередному заданию?

– Так точно, – я постарался не расслабляться. Это генералы могут играть в фамильярность. И заканчивают в нее играть, когда дело доходит до приказов. А подчиненные должны слушать и слышать. И выполнять приказы, каким бы тоном они ни были отданы. – Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

«Дядя Митя» оглядел мою стойку «смирно». Точно такую же, как и у начальника дежурной смены, маячащего сбоку. Оглядел и коротко кивнул, удовлетворившись. А это значит, что я угадал. Это вовсе не встреча старых друзей, это постановка боевой задачи. Причем необычной задачи. За обычными заместитель начальника оперативного управления Пограничной Службы Космофлота посылает тех, кому это по должности положено, а сам приезжает только тогда, когда дело касается по-настоящему серьезных вещей. Про летучие

геномодификанты, после которых в коридоре дезинфекция проводится, тоже забывать не следует. Ну-с, послушаем.

– Отлично, – Дыхов одобрительно поджал губы. – Прогуляемся до третьего кольца?

– Так точно.

Он прав, я вырос. Еще год назад, услышав этот намек, я не преминул бы щегольнуть логикой и наблюдательностью, вывалив на генерала безупречное логическое построение, из которого следует, что лететь мне придется на одну из планет Дальнего Форпоста, разбросанных по всей галактике. Название говорило само за себя: удаленные миры, открытые и удерживаемые титаническими усилиями Экспедиционного Корпуса, и в самом деле являлись форпостами человечества в космосе, заселенном кем угодно, но только не существами, желающими мирно сосуществовать с хомо сапиенсами.

– Так точно.

Коротко и сухо. Будет приказ – будет исполнение. И мне неважно, что именно в этот раз придется везти. УФЕС-В столько всего необычного перевозило, что всему удивляться никаких сил не хватит. Вот и я уже не удивляюсь. Давно не удивлялся, поверьте.

А теперь вот пришлось...

У космолетов, людей, которые проводят в пространстве времени больше, чем на Земле или на базах, давным-давно прижилось правило, которому время от времени каждый из них находит все новые и новые подтверждения. Основное

правило космолета, в просторечии «НБУ», расшифровывается очень просто: «Не будь ни в чем уверен».

Космос живой. Звезды взрываются, планеты меняют полюса, а кометы изменяют свои курсы. Астероиды сталкиваются друг с другом, усеивая осколками все вокруг. Вспышки солнечного ветра кособочат прямые линии навигации и лентой Мебиуса скручивают звездные карты. Да, все это происходит с ними нечасто и небыстро. Да, это можно отследить. Но космос большой, и все отследить невозможно. И этого всего в космосе просто-напросто много. Очень много. Очень-очень много. И даже редкие изменения способны кардинально поменять рисунок того или иного участка пространства, который «вот только что Севка прошел без проблем». На скольких космических могилах можно было бы оставить эту фразу вместо эпитафии?..

И сейчас пришел мой черед подтверждать «НБУ». Дэ-ка не удивляются? Удивляются, еще как. Вот как я, например. Хотя, если честно, удивления у меня сейчас было меньше. А отвращения – больше.

– Прошу познакомиться, Дивар Сагнол, – из голоса Дыхова ушла бодрая доброжелательность, остался лишь жесткий лязг командирского голоса. Он не хуже меня знал, какой именно приказ отдает.

Генерал сделал шаг в сторону, давая дорогу двоим в неприметных костюмах. Не конвергенам – людям. И это тоже логично укладывалось в понятие «неординарно». Интре-

пиды охраняют высоких персон, перевозят важные грузы, исполняют ответственные задания. Но когда дело касается по-настоящему важных и секретных вещей, то конвергенам тут делать нечего. Люди. Только люди и никого, кроме людей. Вот и сейчас... Уже понятно, что задание важное и срочное, уже понятно, что секретность зашкаливает. Ничего необычного на самом-то деле. И все бы ничего, если бы за спинами неприметных костюмов не мелькнула сероватая кожа, обтягивающая чуть удлинённый череп существа, так сильно похожего на человека. Издалека... В темноте...

– ???

Дэ-ка не может не выполнить приказ. У дэ-ка нет шансов отказаться. Поэтому все, что я мог, это вопросительно посмотреть на Дыхова.

– И это все, что тебе нужно знать, – голос генерала все так же перекачивал железные болванки. – Поприветствуй гостя, вам две недели вместе лететь.

Что тут скажешь? Есть приказ. Есть задание. И в самом деле нужно поздороваться, чтобы не превратить две недели полета в кошмар: куда ты денешься от напарника в трех помещениях клипера? Но я... не мог.

А он ничего. Вполне себе мог. Сероватая дряблая ладошка повисла передо мной.

Я не знаю, отразилось ли что-нибудь на моем лице (я очень старался удержаться), но за ладошку пришлось взяться. Бр-р-р.

Сухая тонкая лапка энергично схватилась за мою руку и сжала ее, как будто стоящее передо мной существо было очень радо представившейся возможности познакомиться. Практически всю жизнь, можно сказать, мечтало.

– Рад, очень рад, – резанул уши непривычно высокий голос. Противный и мерзкий. – Дивар Сагнол. А вы, я так понимаю, и есть та самая легенда дальнего космоса, про которую мне рассказывал Дмитрий Иванович? Очень, очень приятно познакомиться.

Оторвавшись от серенькой лапки и с трудом удерживаясь, чтобы не вытереть руку о штаны, я поднял глаза, судорожно пытаюсь понять: этот идиотизм у него врожденный или он издевается? И ничего не понял.

С абсолютно человеческого лица на меня смотрели два лучащиеся доброжелательством глаза, которые могли принадлежать какому-нибудь ученому, актеру, инженеру. И я бы даже, наверное, поверил этим глазам, этому доброжелательству, если бы... Если бы это существо не было нелюдьё. Конвергентом. Сиятом. Тем самым сиятом, чьи «соплеменники» забрали больше всего жизней ребят из космофлота. И без кого Земля не знала бы и половины своих проблем.

Хотя раз он тут, значит, он нужен. Полезен. И его надо оберегать. Как минимум. А не вышвыривать в открытый космос и не топить в гальюне клипера. И опять же как минимум все-таки придется поздороваться.

– Егор Савойский, – коротко кивнул я, глядя в неожидан-

но яркие зеленые глаза, которые на самом деле могли бы принадлежать человеку. Но не принадлежали. И с этим уже ничего не поделаешь.

Это конверген. И мне предстоит провести с ним две недели в замкнутом пространстве. Прощай, радость вольного космоса! Здравствуй, брезгливая тошнота! Спасибо, «дядя Митя», за подарок! Ничего более омерзительного вы для «легенды дальнего космоса» придумать не могли. Живой конверген, подумать только!

Глава 2

– ...я это говорил всегда, слышите, всегда! Генно-модифицированные продукты были слишком неизучены, исследования проводились второпях, в сжатые сроки. Но кто тогда нас слушал? И вот теперь, когда мы фактически столкнулись с пандемией...

Немолодой мужчина усталым жестом выключил экран, с которого упивался своей правотой один из еще не так давно отрицаемых ученых. Апокалиптические прогнозы появлялись на Земле с завидной регулярностью, но именно этому суждено было сбыться.

И это невидимое проклятие не щадило никого. Ни бедных, ни богатых, ни начальников, ни подчиненных, ни врачей, ни воинов. Даже огромная власть и деньги не могли от него защитить. И не защитили.

Мужчина с трудом сел в роскошное кресло, провел рукой по лицу сверху вниз, как будто стараясь стереть с него свое горе, и повернулся к сидящему в кресле справа сухопарому человеку с внимательными глазами врача.

– Не могу их слушать, – пожаловался он собеседнику. – Где они все были, когда только начиналось? Предупреждали? Болтали языками? А теперь вылезли трясти своими дневниками с «доказательствами»? Зачем? Имя себе сделать? Упыри.

Аура власти и властности на секунду дала трещину, и перед сухопарым гостем появился убитый горем человек. Но лишь на секунду. Немолодой мужчина взял себя в руки.

– Так вы говорите, доктор, у нее нет шансов?

– Я говорю, что никто на Земле не может даже приблизительно просчитать, у кого и в каком поколении проявятся эти мутации. Мы слишком долго с удовольствием пользовались услугами ученых, в произвольном порядке меняющих генные коды в потребляемых продуктах. Слишком. Поколениями. И теперь, когда мутации начали проявляться, закономерность вычислить невозможно в принципе. Генные изменения могут возникать где угодно, когда угодно и у кого угодно. Количество передающихся из поколения в поколение модифицированных генов совершенно не изучено. Пути их передачи – тем более. Просто не было необходимости. Комбинаций, в которые они могут складываться, – миллионы. Вероятности растут с каждым днем – человечество не может в одночасье отказаться от большей части продуктов. А где и когда, к примеру, передалась пыльца с модифицированного дерева на, так скажем, «оригинальное», вычислить невозможно.

Он покосился на вазу с фруктами, стоящую на столе. Хозяин кабинета проследил за его взглядом и помрачнел еще больше. Он был полностью уверен, что на его столе всегда только «чистые» продукты.

– А другие миры? – без особой надежды, понимая, что

вопрос выглядит беспомощно, спросил он. – Мы ведь давным-давно вышли в Галактику. Может быть, там найдется какое-либо лекарство?

Врач вздохнул.

– Увы, – негромко, но твердо разочаровал он собеседника. – От этого нет лекарства. Нет и быть не может. Это не болезнь в привычном понимании. От нее невозможно вылечить. Нет, даже не так, – он сокрушенно покачал головой. – От нее не нужно лечить. Это болезнь, но болеют ею не люди, ею болеет человечество в целом. Это оно начало меняться.

– И все-таки как с нею бороться? – Едва лишь вопрос коснулся глобальных проблем, в мужчине сразу проявился государственный деятель, которым он и являлся.

– Так же, как с любой другой запущенной болезнью, – врач посмотрел прямо в глаза хозяину кабинета, – исключением и удалением зараженных органов или клеток.

Повисло молчание. Первым не выдержал врач:

– И это неизбежно на мой взгляд. Античная Спарта, сбрасывающая в пропасть неполноценных младенцев, еще покажется нам детским садом. Безобидной и невинной забавой. Но если человечество все же хочет выздороветь...

– Третий, это Первый. Как слышишь меня? Прием! – Уж не знаю, как это удалось конструкторам (каждый раз в начале полета удивляюсь), но голос в наушниках создавал полное

ощущение, будто напарник говорит из-за смотрового экрана снаружи. Не рядом сидит и не за тридевять планет, а прямо за лобовым обзорным экраном.

– Здесь Третий, слышу отлично, проверка по остальным. Прием.

Дэ-ка всегда «Третий», это закон и традиция. Сколько бы судов его ни сопровождало. Хоть один, хоть двадцать. Хотя двадцать – это я загнул. Эскорт дэ-ка больше шести не бывает. Как, например, сейчас.

– Второй, норма.

– Пятый, норма.

– Шестой – норма.

– Седьмой норма.

– Гусь тута...

Это еще одна традиция. В прикрытии нет «четвертого». Четвертый всегда «Гусь». Почему – не знаю. И никто уже не знает. Он просто «Гусь», и все. Традиция.

– Дан, еще раз не по Уставу ответишь, будешь Гусыней, – пообещал в ухе голос Первого.

– Принято, – согласился Дан. – Гусь норма.

– Комплект, – подвел итог переключки Первый. – Третий, прошу разрешения на старт.

Я скосил глаза на диспетчерскую панель. Эскорт эскортом, но лечу все же я, и это у меня приказ, поэтому все движения конвоя Н-15, так называется наша компания в этот раз, совершаются только по моему желанию. Вообще-то каж-

дый вылет или конвой всегда именуется долго и путанно, типа ЖБМ-23/189-А, но это задание входило в реестр «особо важные», поэтому никаких заумных аббревиатур тут не было. А был дэ-ка клипер серии «Стриж» и шесть автономных истребителей «Шмель». Группа Сереги Серкова, моего одноклассника по Академии, который на выпускных экзаменах по стрельбам на ходу выбил сто из ста, не пропустив ни одной цели за обороняемый рубеж. Куда ему было идти после этого? Только в Экспедиционный Корпус, из которого его тут же забрали в Экоразведку, а потом, почти сразу, – к нам, в УФЕС-В. Это двенадцатый раз, когда его звено в полном составе (эти случаи против воли запоминались как единичные) сопровождает меня к Форпостам. До сих пор все живы... Тьфу, придурок!

Я проклял свой длинный язык. Надо же такую глупость ляпнуть перед вылетом. Так, теперь надо срочно перебить настрой. После такого заявления команду на старт давать нельзя. Еще одна примета из множества тех, которые сопровождают любого космолета всю жизнь. Слишком непредсказуем космос, чтобы не воздавать дань капризной Удаче.

Я завертел головой в поисках хоть чего-нибудь, что переключит мысли. И тут же нашел на свою голову...

– Что-то случилось? – высокий голос пробился через вату наушников. Доброжелательные зеленые глаза смотрели с неизменным участием.

Сият красовался в полупассажи́рском кресле чуть позади

меня. Он прибыл на борт тогда, когда я уже был полностью готов к старту, поэтому сильно не отвлек. Мало того. Вопреки ожиданиям погрузка прошла совершенно спокойно, рутинно и по-деловому. Группа сосредоточенных людей в серых костюмах четко и быстро подошла к клиперу, стоящему с уже активированными двигателями. Их командир, молодой молчаливый крепыш, сверил мои документы, полетные карты, провел биоидентификацию (как будто на стартовую палубу УФЕСа мог пробраться кто-то чужой) и негромко скомандовал что-то в переговорное устройство, приклеенное к щеке. Обзорный экран тут же показал, как плотный строй костюмов раздался в стороны (несильно, только чтобы пропустить сопровождаемое лицо) и тут же сдвинулся вперед, перекрывая выход. Боялись, как бы не убежал?

Молчаливый крепыш встретил вошедшего нелюдя в каюте, все так же молча козырнул по очереди мне и ему и исчез, тут же появившись на обзорном экране и возглавив группу костюмов. Группа приняла его, но с места сдвинуться и не подумала. Все правильно. Они по инструкции должны стоять перед входом, гарантируя, что внутри клипера только те, кто должен там быть, до тех пор пока дежурный по центру не подтвердит, что корабль закрывается для старта.

Сият тем временем тихонько уселся в полупассажи́рское (знает ведь откуда-то, как положено) позади меня. Запустил систему безопасности, упаковывающую сидящего в кресле в почти полностью герметичный кокон, и затих, стараясь не

отсвечивать и не мешать готовящемуся к старту пилоту. Ну, хоть что-то положительное. Видимо, опытный уже. Может, все будет и не так плохо? Может, он знает, как должен себя вести нелюдь в присутствии человека? Хотя вряд ли. Мутный он какой-то. Непонятный. Вроде и в порядке все, а что-то не так. Движения небыстрые, мягкий понимающий взгляд временами становится отсутствующим. Багажа нет. Совсем нет, никакого. А после чего тогда дезинфекцию по схеме Си-12 проводили? А? То-то же, думай, дэ-ка, думай...

Я взглянул на приветливое и участливое лицо «пассажира» и опять чуть не выругался. Перебил, называется, негативный настрой.

– Все нормально, – буркнул я, отворачиваясь. Вдруг на панели управления найду что-нибудь полезное?

– Что сказал, Третий? – нетерпеливо поинтересовался в наушниках Серега.

Не объяснять же ему...

– Старт подтвержден, – обреченно сообщил я и постарался собраться. Хуже нет, с таким настроением стартовать. – Даю отсчет.

Тычком включив оповещение диспетчеров Лунной Базы, я повел сорокасекундный отсчет, давая время службам Луны очистить нам коридор для старта. Коридор будет максимально прямым и точным. Пролететь его надо быстро, чтобы, во-первых, не задерживать надолго муравейник под названием «космопорт», а во-вторых, чтобы никто не успел отследить

состав и направление конвоя. И хотя трудно предположить наличие недружественных конвергенов в такой близости от Земли, но Устав есть Устав.

– Девятнадцать... Двадцать! Прыгаем!

А вот это я люблю. Вот ради таких моментов и живут космолеты. Старт! Дикий пинок ускорителя вышвыривает клипер из заглубленной норы, размазывая тебя по креслу. Космос здороваётся с тобой, прижимая тебя огромной лапищей, испятнанной блестящими каплями звезд. Где-то сзади раздается перепуганный писк. Сият явно не ожидал такого «подарка». Ага, не нравится! Мне стало смешно. Вот тебе, слизень, попробуй вкус человеческих правил. Настоящей космолетной жизни. Это тебе не исподтишка на дальние базы нападать, выжигая все живое и утаскивая выживших неизвестно куда. Если уж совсем честно, то, скорее всего, именно этот конверген ни в чем не виноват, наоборот, он-то как раз за нас, но уж больно глубоко во мне сидят все эти страхи насчет мутаций, и слишком много я видел растерзанных планет, чтобы вот так за несколько часов примириться с мыслью, что один из сиятов сидит сейчас за моей спиной.

– Ускорение, – дежурно прохрипел я в микрофон шлема.

То есть вы имейте в виду, что это был только старт, выводящий конвой на разгон. А сейчас у нас будет настоящее удовольствие. Писк сията сзади перешел в панический хрип. Поздно, дружок. Надо было раньше поинтересоваться у «дяди Мити».

– Ведем тебя дежурно, – как будто из-за лобового экрана доложился Серега. В смысле «Первый». Серегой он будет, когда пойдет крейсерский полет, а еще вернее, когда приземлимся на базе. А пока «Третий» и никак иначе. И Гусь все не Данила Синельников по прозвищу Буравчик, а позывной номера «Четвертого» в группе прикрытия, чей «Шмель» идет под моим днищем. И в случае, о котором даже вспоминать не хочется, он пойдет передо мной на таран и самоподрыв, обеспечивая клиперу минимум час чистого космоса. А там уж как получится...

– Разгон, – я ослабилась в шлем, хотя никто меня видеть не мог. Я каждый раз на этом моменте лыблюсь, как слабомумный. Очень мне это дело нравится. Никакие релаксанты и никакой алкоголь и близко не сравнятся. И сильное у меня подозрение, что вместе со мной сейчас лыбится вся шестерка «Шмелей».

Ну еще бы, кроме дальних курьеров УФЕС и их конвоев, такого удовольствия себе в Солнечной системе не может позволить никто.

Тоннель. Длинная идеально ровная труба, услужливо нарисованная графическими сервисами панели управления. Конец этой трубы теряется в невообразимой дали. Где-то там, куда девяносто девять процентов землян не попадут никогда в жизни. Стартовый канал дальних курьеров. Сумасшедшая скорость, дикий драйв и адская головная боль диспетчеров всей Солнечной. Ибо на всем протяжении тонне-

ля никого в нем быть не должно. Ни-ко-го. При появлении в курьерском «тоннеле» во время разгона любой объект искусственного происхождения рассматривается как потенциально агрессивный, и штурмовые комплексы пятерки «Шмелей» (шестой просто не может вести огонь – я мешаю) наносят удар, не утруждая себя идентификацией. Страшно? Да, есть немного, но это не привилегия – это необходимость, выстраданная десятилетиями. Курьер должен стартовать с максимальным ускорением с самого начала, и никто не должен знать, куда он летит. А для этого ему нужен «чистый» тоннель.

Но как бы ни старались диспетчеры, а достичь абсолюта невозможно, и у каждого дэ-ка когда-нибудь да случается «атака тоннеля». У меня тоже была. Одна. Давно. Но я ее помню, как будто она произошла только что.

Точка, появившаяся тогда на экране, никак не вязалась с мгновенным переполохом, подобно пожару, окутавшему все информационное пространство конвоя. Резкие команды, окрики, доклады. Напряжение в голосе. И стена огня, ушедшая вперед.

Я вообще почти ничего не понял. И сделать-то я ничего не успел. Но, как выяснилось, и не надо было. При возникновении опасности в минутном интервале решения принимает «Первый» конвоя. Он и принял...

Я потом хотел узнать, кто это был, мне не разрешили. Наверное, правильно. Что толку? Хотя иногда напрягало...

Я помотал головой, отгоняя чушь, лезущую в голову. Да что со мной сегодня такое? Это не выход, это парад невращения какой-то. Сият, сидящий сзади; «дядя Митя»; стерилат этот в коридоре Управления со своим чистящим аппаратом. Бред. И как тут работать?

На меня наконец навалилась неподъемная тяжесть. Звезды за экранами потекли, смазались, потянулись сверкающими струями, чтобы расцветить космос переливающимся волшебным занавесом. Где обычный человек может такое увидеть?

– Йо-х-хо! – Наушники заполнило улюлюканье. Ну, точно, у всех праздник, я же говорил.

– Ра-бо-та-ем!!! А-а-а-а!!! – я тоже внес лепту в этот хор. Как тут без дэ-ка, которого ведет конвой? Никак нельзя – примета, опять же.

Сзади ревел ускоритель, огромная емкость с химическим топливом, неизменно используемая при разгонах, несмотря на все двигатели энергопоглощения. Клипер трясся и дергался, звезды текли светящимися полосами, в наушниках веселился и орал шестиголосый хор, я был счастлив.

– У-ух.

В наушниках тихо. Я моргнул и не сразу понял, что это я сам и выдохнул. Как ни здорово кататься на этом аттракционе под названием «тоннель», но все когда-нибудь кончается. Веселье кончилось, начиналась работа. И первым ша-

гом неплохо было бы осмотреться, зафиксировать положение, привязаться к координатам. Тоннель вышвыривает тебя в сферу с диаметром в несколько десятков миллионов километров, и хоть это и немного, но «привязываться к небу», как говорят космолеты, все равно нужно заново.

Короткий переключатель кнопок на панели управления, и система клипера начала осматриваться по сторонам, определяясь с координатами. Минуту ей на соотнесение, потом она запросит разрешение на движение в соответствии с заданной программой. Ну, а мне минутку на приведение в чувство «пассажира». Еще один штрих, ломающий привычное построение распорядка.

Обычно за эту минутку я просматриваю космос вокруг и отчеты наблюдателей для этого участка на день вперед. Мало ли какие обстоятельства откроются. Все же через день мы будем уже далеко за пределами зоны, в которой нам на помощь смогут прийти регулярные силы Космофлота. Там помощи ждать не от кого. Только Экспедиционный Корпус, но ему и своей головной боли хватает, прикрытие миров Форпоста требует колоссального количества сил и средств. Да и не успеют они – мимо Форпостов мы не идем. Так что корабль Экскора я увижу только за двенадцать часов до точки назначения, а до тех пор придется надеяться только на себя и на шестерку «насекомых» вокруг.

В принципе, ничего необычного, подумаешь, дикий космос, первый раз, что ли? Но вот это тело с серой кожей, сидя-

щее сзади, напрочь выбивает из рабочей колеи. Не дает сосредоточиться, собраться. Нарушает весь привычный ритм вылета, заведенный и до мелочей отработанный годами. Надо с ним что-то делать. А то, случись что, и квакнуть не успею...

– Эй, вы живы?

Пока я все это думал, голова моя успела развернуться и узреть безвольное тело, распластанное по креслу. Еще одно расстройство, кстати: на этом кресле у меня обычно кофе в термосе стоит. А теперь?

– Эй, вы живы?! – повторил я чуть громче.

Должного пренебрежения в голосе не получилось, ну и хрен с ним, с пренебрежением. Угробить перевозимый груз представляется не самым лучшим началом секретного задания. Что я на Землю докладывать буду? «Дядя Митя, тут такое дело... короче, помер этот ваш сият. Ну, перегрузок не выдержал».

Собственно, после этого заявления домой можно не торопиться. Вполне можно погулять пару месяцев по окрестностям. Насладиться, так сказать, красотами космоса напоследок. Потому что в следующий раз я их смогу увидеть исключительно на экране видеотрансляции. С Земли. Ибо ни один здравомыслящий начальник к заданию меня больше не допустит.

Все эти мысли пролетели у меня в голове в одно мгновение, смазываясь сверкающим потоком, как звезды за иллю-

минатором. Звезды, с которыми я могу на век распрощаться.

– Эй, ты, как там тебя... Диван?.. Санол? Твою мать, ты живой?

Какой, оказывается, неудобный у нас, у дэ-ка, скафандр. Никак в нем не выбраться из кресла. Один провод, другой, третий. Разъем какой-то. Ай!

Я чуть не сверзился, зацепившись за выступ кресла. Вроде и маленькая каютка у меня, а сейчас кажется, что километра два в длину, не меньше.

– Диван, ты жив?

Тишина. Только система под панелью управления шуршит электронными мозгами, выполняя рутинные действия... Которые могут запросто и не пригодиться, если этот серокожий красавчик скопытится.

Перчатки долой.

– Эй, ты в порядке?

Нет, все-таки эта нездоровая предстартовая суета даром для меня не прошла. Какой там «в порядке»? Кого я спрашиваю? Видно же, что у тела, лежащего передо мной, «порядком» и не пахнет. Ему в реанимацию пора. Или я паникую? Может, он всегда так выглядит? Мало ли, отдохнуть прилег. Ведь про сиятов кто только сказок не рассказывал. И на нашем инструктаже в управлении, опять же... Повышенная выносливость, крепкий костяк, ббольшая, чем у людей, скорость движения. И дыхание у них глубже...

Дыхание? С дыханием у лежащего передо мной «секрет-

ного груза» проблемы. Или наоборот, это как посмотреть. Нет дыхания – нет проблем. Что ж, деваться некуда...

Серая кожа существа на ощупь ничем не отличалась от человеческой. Теплая, относительно гладкая. Короче, ну... обыкновенная кожа. Но ощущения у меня все равно такие, как будто я руки по локоть в бочку с нечистотами запустил. Ну, и выражение лица соответствующее.

Ф-фу, какая гадость. Я давно на Земле никаких гадов в руки не брал, ну, типа там жаб или змей. Но тут вдруг все схожие напоминания нахлынули разом. Противно-то как!..

Таскать на себе восьмидесятикилограммовую жабу – то еще удовольствие. Я, по крайней мере, не оценил. Все внимание было сосредоточено только на том, чтобы не проблематься. И у меня почти получилось...

– Третий, это Первый, прошу связи, как слышишь?

Голос из-за лобового стекла раздался как раз тогда, когда я дотащился с бездыханным Диваном (или как там его?) до медкамеры и начал примериваться, как бы мне его поудобнее туда засунуть. В смысле, чтобы с первого раза, и ничего там не торчало наружу. А то крышка неплотно закроется.

– Третий, связь! – В голосе Сереги появилось напряжение.

Ну еще бы. У него процесс «привязки к небу», так же как все остальные процессы на выходе, тоже рассчитаны по секундам и сидят даже не в подкорке, а в базовом понимании мироздания. То есть солнце не может всходить на западе. Никогда. А если все же всходит, то либо ты нажрался, друг

мильный, и давай-ка выясняй, что это за планета; либо вокруг тебя беда.

Так вот. Отсутствие связи с Третьим в процессе «привязки» – это и есть тот самый восход солнца на западе. А раз планета все же та...

А я, как назло, снял шлем не на месте пилота, где наушники «добивают» до приемника сами, в автоматическом режиме, а перед креслом этого Дивана. Так его через дюзу и наоборот!.. А я его еще и на пол положил.

– Третий, прошу связи.

За этой напряженной интонацией ясно слышалась Статья 12 пункт четвертый Оперативной Инструкции УФЕС-В. «В случае когда сопровождаемый объект, находящийся в процессе выполнения задания, не отвечает на положенные по Инструкции запросы...» Ох, мать моя, я даже додумывать не буду. Четвертый запрос о связи Серега отправит уже одновременно с командой остальным «Шмелям». Пятнадцать секунд – и вся эта насекомая братия рванет на бордаж. Меня, типа, выручать. И все этот чертов Сундук. Или Диван? Или как там его?

И чего делать? Либо этот кадр у меня сейчас помрет без медицинской помощи, либо клипер накроет шестерка «Шмелей». Они поначалу церемониться не будут. А в итоге этот Диван все равно останется без помощи. Парализованный, я точно медкамеру не запущу. Все, решение принято. Из двух зол надо всегда выбирать то, которое норовит тебе

в пятак заехать прямо сейчас. С ним надо разбираться. Глядишь, до дальнего и не дойдет.

Эта умная мысль окончательно оформилась у меня в голове одновременно с глухим стуком упавшего на пол серокожего тела. Хрен с тобой, с нелюдью. Нечего было в человеческие дела соваться.

Спотыкаясь и падая, почти в полете, я подхватил с пола свой опрометчиво снятый шлем.

– Тре...

– Первый, это Третий. Связь норма, состояние норма, жизнь норма.

Космос за лобовым стеклом отчетливо прошелестел облегченным выдохом.

– Тре-етий, принято.

И тут же.

– Ты где шлялся, паразит?!

– Пауза 2! – рыкнул я в ответ.

Все. Коротко и ясно. Заткнись и не мешай, «Пауза 2» по терминологии дэ-ка означает «перерыв в техническом исполнении задания, связанный с физиологической необходимостью». Понимай как знаешь.

Стороннему человеку мгновенно становится ясно, что дэ-ка срочно понадобилось по нужде или еще что-нибудь, а вот люди посвященные (читай конвой) получают сигнал о том, что ничего страшного, в принципе, не происходит, но остановиться, осмотреться и занять сферическую оборону

на всякий случай все же не помешает. Мало ли какие сложности могут возникнуть у курьера. Сиди и жди.

У меня была одна такая «пауза». Помнится, один раз экскоровские «ученые-энтомологи» раскопали на какой-то планете некий вид необычных насекомых. Мухи – не мухи, мошки – не мошки. Жуть какая-то летающая. Грызут все что ни попадя, ядовитые – ужас. Гнать ради них через полгалактики боевой крейсер? Щас... А для чего тогда существует УФЕС? Выпало тащить их мне. Принял я банку с этими страшилками, закрепил, как сказали, и повез. Вот только эти полевые умники-«ученые», которые скорее очередь из лазерника на стене распишутся, чем объяснят устройства микроскопа, забыли проверить, как себя ведут эти зверушки при различных температурных режимах и перепадах давления. На их родной планете было холодно (минус шестьдесят по старому Цельсию) и пасмурно, а я человек теплолюбивый. У меня на борту всегда можно в шортах ходить... В общем, не передать, как эти танки летающие обрадовались тому, что сумели справиться с крышечкой на банке.

Моя «Пауза 2» длилась тогда около пятидесяти часов по корабельному времени. Меня надо было видеть, когда я в скафандре, предназначенном для работ в открытом космосе, носился по рубке с майкой, пропитанной липкой пеной, предназначенной для заделывания дыр в переборках, и пытался перехватить их в воздухе. Поскольку если эти милые создания прогрызли крышку из армированного пластикола,

то, пока они на свободе, о продолжении полета речь идти не могла. До Луны я бы тогда добрался в одних трусах, да и то дырявых.

Но самое страшное было не ловить их, не-е-ет! Большую часть той «паузы» я угробил на то, чтобы их сосчитать... Не досчитаться двух и перевернуть вверх дном весь клипер.

Для того, чтобы через сутки (!) найти два бездыханных тельца под обшивкой моего кресла. Все это время конвой мужественно ждал.

– Пауза 2.

– Эм-м... Принято, Третий, «Пауза 2».

Сергея тоже может рассказать пару таких историй из своей практики, поэтому никаких комментариев больше не последовало. «Шмели» молча вывесились вокруг меня и замерли, время от времени поводя «усиками» антенн системы дальнего обнаружения. Занимайся своими делами, дорогой дэ-ка, и ни о чем не переживай.

Я и занялся.

По мере того как на лицо Дивана, лежащего в медкамере, начинали возвращаться краски (надо же, я и не думал, что у серого цвета бывает столько оттенков), мое дыхание приходило в норму. Его – тоже. Кажется, фиаско откладывалось. Наконец, он открыл глаза.

– Ффух, – коротко выдохнул я и потянулся к пульту каме-

ры. Пора было освобождать пациента.

Серокожий милашка с трудом поднял и повернул голову, посмотрел на меня через толстенное стекло камеры, слабо улыбнулся, успокаивая... и рухнул обратно. По ушам ре-занул вой медицинской сирены. Дисплей полыхнул алым. Единственное, что я смог увидеть, прежде чем рука рвану-лась вперед, – это цифры. Восемьдесят пять процентов по-ражения. Восемьдесят пять! Еще три процента – и кома. Еще пять – и... Мать его так: то самое фиаско. Привет дяде Мите, прощай, космос.

Я врезал по аварийной кнопке так, что рука чуть не от-валилась. Успел? Вроде бы да. Камеру мгновенно заполнил ледяной туман криозаморозки, превращая все, что находи-лось за стеклом, в огромный кусок застывшего льда. Теперь я избавлен от необходимости терпеть на борту нелюдя. Прав-да, я совсем не собирался платить такую цену, но кто ме-ня спрашивал? Нелюдя у меня больше нет. И медкамеры – тоже. Теперь, если буду помирать – только аварийный на-бор скафандра. Н-нда, кстати... Если следовать букве По-летной Инструкции, то придется влезать в скафандр до кон-ца полета уже сейчас. Выполнять задание при неработающих средствах медицинской помощи нельзя. Да уж, избавился от неприятного соседства, нечего сказать.

А что сосед? Сият красовался за стеной искрящейся глы-бой голубоватого льда. Тихий, спокойный. Лучший сият – это замороженный сият. Мои губы сами собой сложились в

нехорошую ухмылку.

– Счастливых снов, поганка. На месте разбудят, – дурашливым жестом я отдал честь на манер бывалых космопехов Экскора. – И знаешь что, приятель? Таким ты мне нравишься гораздо больше. Всего хорошего.

Это показалось, или он улыбнулся? Да нет, показалось, конечно.

Глава 3

– ... Не дать им прорваться... ш-ш-ш... Оттесняйте их, оттесняйте!

– Не справляемся! Разрешите применить оружие?

– Задача – не дать «подопечным» выйти обратно в зону карантина... ш-ш-ш... разрешаю применять оружие...

– Назад! Я сказал: назад! Будем стрелять!!!

– А-а-а-а...

– У-у-у...

Тах! Та-дах! Та-да-да-да-дах!

Динамики видеотрансляторов заполнили крики, визги, вой обезумевшей толпы. Сухие звуки выстрелов и шипение полицейских парализаторов резали эту какофонию на части, но так и не могли заглушить тоскливое, обреченное страдание многоликого существа, ворочающегося на грузовой площадке космопорта в безнадежной попытке вернуть себе хотя бы часть бывшего бытия. Нелегкого, порой жестокого, но своего. Того самого бытия, той самой жизни, которой оно в одночасье оказалось лишено.

– Еще раз напоминаем вам, уважаемые зрители, – ровный успокаивающий голос диктора накрыл картинку, на которой обезумевшая толпа пыталась прорваться сквозь полицейское заграждение, – что вашему вниманию был представлен репортаж с космодрома «Сияние», на котором

только что закончилась одна из последних операций по отправке конвергенов за пределы Солнечной системы. Наши корреспонденты передают, что последний конвой из ста сорока кораблей военно-транспортного флота в сопровождении крейсеров Экспедиционного Корпуса пересек орбиту Плутона.

В небольшом баре на секунду воцарилась непривычная тишина. С одной стороны, конвергены, те самые конвергены, которых еще недавно на Земле с каждым годом становилось все больше и больше, исчезли. Все, нет их. Только рабочий скот остался. Стерилаты. Которые безропотно взвалили на себя всю грязную работу.

А с другой...

– Дождемся, вот попомните мои слова, – какой-то подвыпивший толстяк с круглыми, поблескивающими на мясистой носу очками вдруг стукнул пивной кружкой о стойку. Сидящие вокруг вздрогнули, как будто очнувшись от тяжкого наваждения. – Эдак любого из нас могут теперь взять, засунуть в транспорт, и – привет.

Толстяк еще раз пристукнул почти пустой кружкой и обвел глазами соседей. Почему-то большинство из них избегали встречаться с ним взглядом.

– Что, не люди там были? – С каждым словом в его голосе все сильнее прорезался вызов. Он указал свободной рукой с зажатой в ней сигаретой на экран. – А если завтра там окажется ваш сын? Или дочь? Или жену на медконтроле

признают неполноценной, а? Что тогда? Тоже? Как скот? Пинком в Галактику?

Он разошелся уже не на шутку. Его голос накрывал при- тихий бар, и посетители отводили глаза. Что тут ска- жешь? Каждый из здесь сидящих пережил эти ужасные ми- нуты, когда бесстрастный робот на медконтроле выносил вердикт. И почти каждый, в чьих генах не нашлось преда- тельских изменений, своими глазами видел, как серели лица тех, о ком звучал страшный приговор. «Необратимые ген- ные изменения. Невозможность дальнейшего полноценного воспроизведения». Соседи, приятели, друзья... родственни- ки.

Никого из них не осталось на Земле. Решение Коалицион- ного Правительства Земли не щадило никого. Вон с плане- ты!

И у каждого посетителя этого небольшого бара, у каж- дого оставшегося на планете человека к своему личному счастью (я нормальный!) примешивался тонкий запах гни- ения. Конвергенцы? А какое право мы имеем?.. И имеем ли?

– Или не люди там?! – Толстяк, похоже, заплатил за свою нормальность многими...

– Не люди.

Ровный сухой голос обрезал речь разгоняющегося толстя- ка, как мухобойка прерывает полет зазевавшейся мухи.

– Не люди. Или, точнее, нелюди.

Неожиданно аккуратно одетый для этого заведения

мужчина средних лет, сидящий прямо перед стойкой, откуда возмущался толстяк, тщательно загасил сигарету в стоящей перед ним пепельнице.

– Они уже не люди, – он небрежно показал на экран. – И никогда ими не были. И мало того, самим фактом своего существования они запрещали вам...

Мужчина сделал неширокий жест рукой, обводя сидящих перед ним.

– ... запрещали вам быть людьми. Лишали ваших детей шанса быть теми хомо сапиенс, которые живут на этой планете. Подвергали вас и их страшному риску в один прекрасный день просто вымереть. Всем до одного. Воспроизвести потомство, которое не сможет жить на этой планете.

– Но позвольте... – толстяк еще не понял, что его партия проиграна.

– Не позволю.

Аккуратно одетый мужчина вроде и не повышал голос, а толстяка будто обрезало.

– Не позволю ни вам, ни вообще никому. Человечество может выжить только так. Эта операция была неизбежна. Зараза проникла слишком глубоко.

Он усмехнулся неожиданно горькой улыбкой.

– Но, увы, оценить значимость этого шага смогут только наши потомки, – мужчина поправил безупречный узел галстука и поднялся, собираясь уходить. – Весьма отдален-

ные потомки. И поверьте, они будут нам благодарны.

В почти нереальной тишине он прошел к выходу, сопровождаемый взглядами всех посетителей.

– Кто это? – толстяк ошеломленно обернулся к бармену. – Кто это такой?

Тот промокнул почему-то вспотевший лоб полотенцем, которым до этого протирал стойку.

– Заместитель начальника городского медконтроля.

Бармен указал на экран.

– Списки всех, кто туда отправился, подписывал он или... они.

Взгляд бармена неожиданно стал ненавидящим, рука сжала полотенце. Толстяк и еще несколько посетителей деликатно отвернулись. Вспоминать тех, кого уже не вернешь, было... невыносимо. Да, кого-то забрали. Пришли с военными патрулями и забрали. Но ведь их семьи все еще здесь. И останутся здесь. А сами? Что сами? Космофлот, это не поезд: регулярных рейсов нет. Кого отправили, больше не увидишь. Остается только смотреть на звезды...

Но...

– А что, он прав. Что было бы, если б нелюди проклятые расплодились тут? – вдруг раздавшийся пьяный голос как будто в одночасье подвел черту под всем разговором. – Не-е-ет, не надо нам.

Кто-то из угла махнул рукой, как будто отмечая все возможные возражения.

– И вс-се пра-а-ильно сделали! Долой нелюдей.

...Бар загудел вновь.

Не возмущенно – обыденно. И правда, чего страдать-то? Все уже сделано. Кого могли, уже оплакали. А то, что среди конвергенов и вправду были совсем ужастики – так верно. Каждый видел. Поэтому тут как посмотреть. И опять же, оставшимся легче. Короче, чего душу-то зря травить?.. Выьем. Не за тем ли сюда пришли?

Толстяк переглянулся с барменом. Переглянулся и тяжело вздохнул, колыхнувшись объемистым телом. Глас народа, что скажешь?.. Нечего тут говорить. Человечество сделало свой выбор.

В пользу чистоты расы...

На корабле уже неделю царило ожидание. Сият спокойно продолжал лежать в медблоке, посверкивая ледяными боками. Отправленный доклад о случившемся вкупе с данными медицинского освидетельствования не менее спокойно пребывал в Управлении. Ответ на него в духе «Не смертельно, это бывает, продолжайте выполнение задания, сам очухается» еще более спокойно занял свое место в бортовом журнале.

А раз так, то я, полностью соответствуя всему этому олимпийскому спокойствию, наконец-то обрел вожделенное одиночество. Про нестыковки и более чем странное пренебрежение к состоянию здоровья особо ценного груза я даже ду-

мать не стал. Приказ есть? Все. Всем до свидания. Все загадки отгадывать – голову сломаешь, а она мне еще не раз пригодится. Хрен его знает, вдруг этот сият не мозгами или там связями ценен? Вдруг он бактериологическая бомба, которую наши отправляют к конвергенам? Что, не было такого? Было, и не раз. Багажа-то нету, а Си-12 после него проводили. Выводы?

Мысль о том, что я могу от него чем-то заразиться, я безжалостно выгнал из головы. Что толку? Если бы он был для меня опасен, его в открытую со мной не послали бы. А если все настолько серьезно, что командование решило мною пожертвовать... Что, у меня есть какой-то выбор?

Все, нечего себе информационное поле забивать. Отдыхать тоже надо. Вот я и отдыхал.

Точнее, пытался...

– Третий, здесь Первый. Связь, – голос из-за лобового стекла чуть не сломал мне весь кайф.

Когда в одной руке чашка с кофе, а другой ты в стратежку в реальном времени на ходовом процессоре рубишься, то левые голоса тут не в тему. У меня там завоевывается мир, а Серега тут какой-то связи просит.

Ну вот, ошибся. Опять не удалось этот этап пройти. В расстроенных чувствах я перебрал клавишу связи.

– Ну, чего тебе?

– Третий, прошу связи, – укоризненно повторил Серега.

Ага, значит, официальное. Извините, сразу не сообразил.

– Первый, здесь Третий, есть связь.

– Третий, вашему вниманию. Двенадцать вперед, семь влево, световая активность. Контакт девять. Десять минут. Прием.

– Первый, принято десять минут. Отбой.

На забытом экране толпа инопланетных монстров с удовольствием доедала то, что еще осталось от моей, еще мину-ту назад мощной империи. Игрушки нынче быстры и жестоки. Прямо как жизнь.

Да черт с ней, с империей, другую заведу. А вот жизни другой может и не быть. Абракадабра, выданная Серегой, на самом деле несла в себе кучу информации. Важной информации. И, что самое поганое, решать придется мне, больше никому. И решать быстро.

Все, страдания в сторону. Думай, дэ-ка шесть, думай, у тебя на то и статус. Итак, что мы имеем?

Переводя с космолетного на человеческий язык: если сохранять прежний курс, через двенадцать часов на расстоянии семи градусов по горизонтальной плоскости слева мы будем пролетать мимо какой-то драчки с применением боевых лазеров. Семь градусов от линии курса через двенадцать часов полета... Я быстро прикинул длину катета получающегося треугольника... Н-да, невесело получается. Увидят. Вот и Серега о том же говорит. Вероятность боевого контакта, по его оценке, девяносто процентов. А это значит, считай, все сто пятьдесят. И десять минут до точки принятия

решения.

А курс менять ой как нехорошо. Потеряем разгон, потеряем топливо, потеряем темп. Да еще и поплутаем по территориям конвергенов. А это вам не соседи по Галактике. Те, может, и плюнут на клубок пушек, со всех ног бегущий куда-то по своим человеческим делам. А конвергены – никогда. Будут гонять «*проклятых хомо*» до посинения. Н-да, задачка...

– Первый, активность окружающая? – вякнул я в микрофон. Просто так вякнул. Вдруг он чего умного скажет? И он, конечно же, сказал...

– Третий, активность активная, – бодро отозвался Сережа. Тут бы самое время пошутить над «активной активностью», «сонным сном», «пустой пустотой» и тому подобными тавтологиями, но вот почему-то не хочется. И не «почему-то», а потому что определение «активная» означает одно: мы летим по главному проспекту в час пик и вокруг кто только не бродит. А не видят нас (или не хотят замечать) только из-за того, что заняты своими внутренними нелюдскими разборками. Ну, там ограбить кого крупного или, наоборот, от пиратов отбиться. Или в очередной раз кто-то из центра Галактики залетел. Так сказать, за свежим мясом. Чего греха таить, любят некоторые из галактических соседей, вроде файратов, побаловаться человечинкой. Вкусно им. И хорошо еще, что для этих любителей мясо конвергенов ничем не хуже мяса обитателей Земли, и до человеческих зон они до-

бираются крайне редко, предпочитая затариваться в поясах нелюдей. Хоть какая-то польза от этих мутантов.

В общем, радости вокруг мало. Хотя и особого страха – тоже. Что, в первый раз? Никак нет. Форпосты – это не границы владений Земли, это просто миры, где смогли закрепиться земляне в силу тех или иных причин. А Галактика – не пустыня. Скорее наоборот – проходной двор. Двор, где на основных путях в любой точке пространства всегда найдется десяток-другой попутчиков-конкурентов, с которыми на ура коротается любое, даже самое занудное, путешествие.

Хотя, если честно, в последнее время я стал любить старое доброе занудство, которому так приятно предаваться в одиночестве. Мизантропом становлюсь, не иначе. Старею, наверное.

Но, занудство занудством, а решение принимать надо. Я проверил количество питательной смеси в скафандре и уровень наполненности «туалетных» резервуаров: сидеть сейчас придется долго.

– Первый, давай песок, идем прямо.

Все, игрушки в сторону. «Песок» – это вся карта окружающего нас пространства на четыре летных часа вокруг, транслируемая со всех «Шмелей» одновременно. Удовольствие то еще. Четырехмерная карта, на которой отображается любой мало-мальски значимый объект, способный представлять угрозу, вывешивалась перед ведущим конвоей дэка, и с этого момента наблюдение за окружающим занима-

ло все мое внимание и требовало максимальной концентрации. Еще бы – взять на себя функции ходового процессора. Но иногда другого выхода не было. Процессор, он умный. Очень умный и очень быстрый. Но он принимает решения, исходя из безопасности конкретного судна, находящегося на конкретном задании. Он знает много. Все новости, всю гала-политическую ситуацию, все последние виды вооружения, встречающиеся на просторах Галактики, все новые приемы ведения боя. Да что там «много» – он знает все. Но ни фи́га не чувствует.

И если, к примеру, на тебя идет шестерка фэйратов сверху, а сзади подпирает десятигранный «бриллиант» медуздинохов (ну, бывает, попал не в то место, не в то время), и у всех выхлопы из дюз стабильные, говорящие о полной исправности двигателей, то процессор как пить дать рванет тебя вниз, уводя от противников, способных одним залпом превратить тебя в пучок фотонов. Да еще и постарается спрятать клипер за гравитационными полями ближайшей звезды. То есть прямо на кладбище тебя отправит... Потому что слишком умный.

А вот дэ-ка шесть, заслуживший свою «шестерку» не просто так, а «потому что», наоборот, рванет прямиком на «бриллиант», идя в лобовую атаку и четко понимая, что шанс на таран измеряется десятками процентов. С первой цифрой где-то в районе шести...

Но все равно рванет. Ибо это его, дэ-ка шесть (а вовсе

не ходовой процессор), гоняют с утра до вечера по кабакам и гостиницам, чтобы он каждый день слушал самые последние новости и байки от эскорцовцев, которым выпала короткая передышка в бесконечном конвейере смерти, зовущемся Форпостом. А если удастся перехватить кого-нибудь из дальней экоразведки, так и вообще счастье. Ибо только они могут рассказать тебе, что во время конкретно этой трети галактического цикла божества динохов не терпят рептилий вроде файратов. И при выборе между людьми и иссохшими крокодилами аморфные медузы-динохи однозначно сделают выбор не в пользу последних. Или не в пользу... Смотря с какой стороны рассчитывать.

А убегающих хомо они отпустят на раз. Не до них теперь.

В общем, если представить такой расклад, то еще четырнадцать дней самоубийственное сближение с «бриллиантом» будет самым лучшим (а вернее – единственно правильным) выходом. Все остальное – фотоны...

Так что «песок», «песок» и еще раз «песок». Верить процессору нельзя.

– Третий, готовность, – прорезался Серега. Он ничуть не хуже меня знает, что мне уготовано. – Жду подтверждения.

Я поерзал на кресле, устраиваясь поудобнее.

– Первый, подтверждаю. Давай.

И мир заполнила звездная пыль. На секунду я замер. Замер, не в силах одновременно принять на себя все величие накрывающего меня полога. Потому что «песок» – это не

только утомительнейшее занятие, это еще и красота. Невообразимая, завораживающая, иссушающая. Захватывающая дух и вышибающая напрочь мозги.

– У-ух, – наконец выдохнула моя грудная клетка.

Да уж, валяющийся на тебя «песок» можно запросто сравнить со стаканом водки, принятым залпом. Сначала выпученные глаза, и только через несколько секунд начинаешь хоть что-то соображать. А «догоняет» тебя «еще потом». И вправду, очень похожие ощущения.

– Третий, ты как? – участливо поинтересовался Серега. – Принял?

– Принял, – хрипло просипел я. – Бери управление.

– Есть управление, – четко гавкнул Серега, и штурвал рядом со мной чуть вздрогнул.

Теперь вокруг меня остается только звездное небо. Только мерцающие клубы сверкающей пыли, перекатывающиеся из края в край. Ничего похожего на обыкновенную звездную панораму, привычно висящую за бронированными стеклами клипера. И уж совсем ничего общего со звездным небом, которое каждый день видят благодущные обитатели спокойной Земли.

«Песок» не зря носит свое название. В Академии при изучении этой системы первое, что показывают курсантам, – это песчаная буря, бушующая где-нибудь в африканской пустыне. На самом деле похоже. Только сейчас каждый порыв звездного дыма, проносящийся передо мной, переливается

минимум тремя цветами. Гамма, сохранившаяся с незапамятных времен. Зеленый – неживые объекты, не представляющие угрозу, либо корабли, теоретически не способные причинить вред. Например, инкубаторы файратов. Перевозящие драгоценные яйца инкубаторы не участвуют в боевых действиях никогда. Вот просто никогда, и все. И трогать их не трогают. Потому что за уничтожение инкубатора файраты запросто организуют массированный рейд на мир, к которому приписаны атакующие. И даже если никого не будут – просто оставят после себя спекшийся стеклянный шарик. Так что процессор автоматически рисует их зеленым, присоединяя к астероидам, чья траектория полета не пересекается с моей, а также к прочим гарантированно идентифицированным грузовикам, спасателям, исследователям. И переходит к следующему цвету – желтому.

А вот это и есть основная головная боль наблюдателя. «Потенциально опасные объекты». Две трети цветовой гаммы. Сиди и разбирайся, кто пролетит мимо, не обратив на тебя никакого внимания, кто полоснет походя чем-нибудь, типа боевого лазера (просто так, чтобы еще одной хомовской боевой единицей стало меньше), и отправится дальше по своим делам, а кто выделит тебя на карте пространства и даст автоматике целеуказание с приказом «атака».

И вот тогда мой умный процессор полыхнет красным. Выведет на центральный обзор все данные, доступные на сегодняшний день, и спросит (ласково так, ненавязчиво):

«Последний уровень опасности. Вероятность прекращения функционирования... Выбор действия в течение 5 секунд». Решай, мол, дэ-ка.

А у меня еще три цветовых категории висят: оранжевая – вероятность возникновения опасности в течение ближайших тридцати минут; белая – потенциально безопасные объекты, представляющие интерес с точки зрения стратегической разведки (их по возможности надо исследовать, хотя бы «Шмелями»); и бирюзовая, моя «любимая» – объекты, принадлежащие Земле и терпящие бедствие.

Нет, все все понимают. Фельдъегерская связь, сверхважные задания, срочность, секретность и прочее-прочее. Но Земля – она одна. И нас, землян, настолько мало в Галактике, что не помочь человеку, пропадающему в бурлящем котле под названием «обитаемый космос», – это... Это даже не свинство. И не подлость. И не глупость. Это полное отсутствие инстинкта самосохранения.

После исхода конвергенов на Земле людей осталось всего ничего – миллиарда четыре. Ну еще столько же в космосе и Форпостах. И все. На всю Галактику. И потеря каждого из нас – это горе. Горе и отчаяние. Потому что, как ни старается планетарное Правительство, а популяция землян не увеличивается. И можно долго спорить о том, что является тормозящим фактором: потери Экскора и Форпостов или сибаритство оставшихся «нормальных» людей, выше всего ценящих собственные здоровье и свободное время.

Факт остается фактом: новые Форпосты осваивать некому. Тем более что траурные грузовики с новорожденными конвергенами все так же отправляются на границы Зоны Контроля с более чем удручающим постоянством. Процента три от всех рождающихся на Земле детей, не меньше. Горькая статистика...

Песчаная буря перед моими глазами вдруг сменила гамму. В одном из клубов вдруг зажглась ярко-красная точка, которая с каждой секундой становилась все больше и больше.

– Внимание! Последний уровень опасности. Вероятность прекращения функционирования клипера – 46 процентов. Выбор действия в течение 5 секунд.

А вот и наш процессор проснулся. Я впился глазами в пульсирующую точку.

И тут же еще одна.

– Внимание! Последний уровень опасности. Вероятность прекращения функционирования клипера – 49 процентов. Выбор действия в течение 6 секунд.

– Спасибо, родной, – искренне поблагодарил я процессор. – А чуть подробнее.

На экран вылезли две таблички с развернутой информацией. Та-ак, и что это? Ну, первая понятно. Рейдеры, они и в параллельной вселенной рейдеры. Четверка кораблей, каждый размером с мой клипер, идущая призмой. И неважно, что конвергены. Эти будут оценивать не расовую при-

надлежность, а доступность объекта. Но наша компания им явно не по зубам. Я покосился на экран. С чего вдруг такая паника? Сорокашестипроцентная вероятность уничтожения? Да тут и пятнадцати не будет. Может, второй? На второй табличке взгляд тут же зацепился за слово «файрат». Тьфу, сглазил. Стоило только помянуть... Э-э, нет, подождите. Их что, всего двое? Ну да, обыкновенная крокодилья двойка. Семейная пара в свободной охоте, они всегда так ходят. Опять же, против шестерки «Шмелей» маловато. Разве что эти ребята объединятся с рейдерами. Но это вряд ли. Файраты ни с кем в союзы не вступают. Только в кратковременные и исключительно кулинарные. В смысле, они скорее эту рейдерскую «призму» сами перехватят и схарчат, чем вместе с ними будут на нас охотиться.

Ну и? Что означают эти красные точки?

Я задумчиво пожевал губами. Сказать Сереге? А смысл? Он их и так видит. «Песок» – это не радар, радаров на кораблях и без него хватает. «Песок» – это аналитический инструмент для старшего в конвое. Он – квинтэссенция колоссальной невидимой работы, которую изо дня в день, каждую минуту и каждую секунду проделывает армия наблюдателей, разбросанная по всей части Галактики, куда достают корабли Экскора и Экоразведки. Это благодаря им процессор имеет возможность сравнивать, оценивать и сопоставлять различные варианты развития событий. Это благодаря ежесекундной напряженной работе каждого корабля Земли, пере-

дающего данные на серверы Экоразведки, я могу знать, что творится у меня на пути. А кстати...

За всей этой величественной красотой рассыпанного передо мной «песка» из головы совсем вылетела причина, по которой я «песок»-то и запускал. А впереди у меня что?

Вот оно!

Что там «Первый» сообщал? Через двенадцать часов на расстоянии семи градусов по горизонтальной плоскости слева будет заварушка? Нет, не будет, она уже есть. Раскрашенная в самый что ни на есть оранжевый цвет. Но и это еще ничего не значит. А проблема в том, что в самой середине этой заварушки ма-а-аленькой звездочкой посверкивает одинокое бирюзовое пятнышко, окруженное оранжевым ореолом, который упорно не желает от него отлепиться, перемещаясь вместе с ним точно по направлению к точке, где через одиннадцать часов пройдет путь нашего конвоя. Вот так-то. Вот оно. Вот откуда и взялась повышенная опасность, исходящая от внешне безобидных «попутчиков».

– Данные по оранжевым, – запросил я процессор, вглядываясь в медленно смещающееся пятно, как будто что-то мог там разобрать. Глупость, понятно, но отрешиться от происходящего как-то не получалось. А так – хоть какая-то иллюзия, что я контролирую процесс.

Возле оранжевого пятна появилась небольшая (на мой взгляд, как-то даже неприлично небольшая) табличка с техническими данными объектов, участвующих в схватке. Соб-

ственно, там было только об одном корабле. А тот, который на экране показывался бирюзовым.

– Енот? – я даже забылся. Глупость сморозил, извините. Что толку переспрашивать автомат, верно ли он выдал данные? Что у него было, то и вывел на экран. Но забыться было с чего: уж больно странно выглядели эти данные. Еще бы – вся эта оранжевая кутерьма, взрывающая мне мозг, крутилась вокруг объекта, который в обычной жизни и близко не заслуживал такого внимания. Чистильщик. Самый распространенный в галактике вид пространственных кораблей. Безобидный и тихоходный. Непривлекательный и бесполезный. Слабый и невзрачный. Короче, ненужный никому, кроме планетарных правительств, которые вынуждены тратить немалую (а на самом-то деле просто огромную) часть налогов, поступающих от космолетных корпораций на поддержание основных галактических маршрутов в относительной чистоте. И ладно бы внутреннее пространство, контролируемое монорасой – тут все понятно. В своем доме хочешь не хочешь надо убираться. А как быть с ничейным космосом? Теми кусками, по которым ходят в том числе и твои корабли?

В свое время все решилось естественным путем. Чье правительство больше уставало от бесконечных жалоб транспортников, пассажироперевозчиков либо военных, то и посылало неторопливые галоши чистильщиков бродяжить по торным дорогам Галактики, подбирая, выжигая или просто расталкивая весь тот мусор, который оставляют после себя

перемещающиеся разумные существа. Да-да, не надо строить иллюзий – гадят все. И люди на общем фоне еще выглядят сущими овечками: видели бы вы внутренние зоны тех же динохов. (Кхм... Я, к слову, сам не видел, врать не буду, Экоразведка рассказывала...)

Но «Енот», ведущий бой с превосходящими (это видно) силами противника... Это сильно смахивает на анекдот.

Да еще в этом районе...

Другими словами, одинокому «Еноту», до чьей зоны применения лететь не менее четырех дней, в открытом пространстве нейтрального космоса посреди галактики делать было решительно нечего. Да и не долетит он сюда. Двигателей не хватит.

И я еще раз забылся.

– Уточненные данные по «Еноту», – попросил-приказал я.

Табличка на экране на мгновение пропала, а потом появилась вновь в том же виде. Если предположить, что ходовой процессор способен иронизировать, то в нарочитом моргании таблички можно было даже разглядеть эту самую иронию. Хотя кто его знает, может, он и в самом деле способен? Переводя с компьютерного языка на человеческий, этот повтор четко означал: «Иди к дьяволу, что было, то и дал. Будет больше, сообщу».

Я шмыгнул носом. Ну да, собственно. А чего я ждал? Ладно, так уж и быть, не хочешь общаться, спросим «нормальных» собеседников. Я дернул подбородком, переключая ка-

нал.

– Первый, это Третий, прошу связи.

– Третий, это Первый, есть связь, – тут же отозвался Серега из-за лобового стекла.

– Серега, у меня тут ходовик рисует на «песке» две опасных группы, – я не стал тратить время на ненужные приветствия, он и так знает, что я рад его слышать. – Рейдерская «призма» и крокодилья семейка. Чего он паникует, не очень ясно, но та заварушка по горизонту впереди, о которой ты говорил, явно про нас. Однако имеется крохотное «но»...

Я взял паузу.

– Там один «Енот» отбивается от толпы каких-то придурков. Прием.

– «Енот»? – В голосе Первого один в один повторились мои недавние интонации. – Один?

– «Енот», и один, – а вот я, похоже, повторил интонации моего ходового процессора. – Только не очень ясно, почему вдруг призма и крокодилы стали такими опасными.

И тут же, как будто обидевшись на обвинение в некомпетентности, ходовик прорисовал двум красным точкам на экране траекторию направления движения. Подумал полсекунды и добавил еще одну линию. Путь «Енота».

– Ага, – задумчиво протянул я, начисто забыв о Сереге. – Так вот ты какой у нас обидчивый.

– Я? – удивился голос из-за лобового стекла.

– А ты-то тут при чем? – не понял я. И тут же врубился. –

А-а, нет, ты хороший, это я ходовику.

– С ходовиком разговариваешь? – В голосе Первого появились подозрительные нотки. – «Еноты» одинокие посреди космоса глючатся? Ну-ну, бывает. Может, отдохнешь от «песка»? Не устал часом?

– Иди ты, – я обозлился, – со своими шуточками. У меня тут выбор стоит, а ты дурака валяешь.

И правда, ведь какое-то умное решение вот-вот готово было родиться, но Серега со своими подначками все сбил.

– Не вовремя он у тебя встал, выбор-то, – продолжал вселиться в наушниках Серега. – Ты его водичкой холодненькой, водичкой. Глядишь, будет нормально.

– Первый, – ледяным тоном прервал я его веселье. – Доложить тактическую обстановку на двадцать минут.

В наушниках откашлялись.

– Э-э, чисто, Третий. Как-то даже подозрительно чисто. Рейдеры и файраты и в самом деле единственные объекты, представляющие опасность. Остальные – грузовики и... тоже чистильщики.

Я моргнул, изо всех сил борясь с накатывающей шизофренией. «Песок» перед моими глазами все больше окутывал пространство вокруг, придавая голосу Сереги какую-то потусторонность. Все-таки эта игрушка не предназначена для душевных бесед. Сухая информация – это максимум, который способен воспринять мозг оператора «песка».

– Настоящие чистильщики?

Вопрос был не праздным. Уж сколько Эксор и Экоразведка ни изучали вероятных противников, сколько ни вычисляли способы маскировки, к которым прибегали что конвергены и другие расы, но все алгоритмы рано или поздно признавались в итоге неработающими. Кровью признавались. Нашей, человеческой кровью.

И чистильщики занимали в этих «признаниях» далеко не последнее место. Я уже говорил про земную систему сбора информации, которая получает данные со всех кораблей, путешествующих в пространстве? Ах да, говорил. Извините, запямятовал: проклятый «песок».

Так вот, поскольку неторопливые коробочки чистильщиков на самом деле являются самыми массовыми кораблями в галактике, присутствующими практически во всех точках пространства, то, естественно, ни одна разведка ни одной расы не могла обойти их вниманием. Идеальные разведчики на самом деле. Тихие, неприметные, никому не интересные и при этом постоянно находящиеся в гуще событий. Чего еще желать? А при необходимости в скромные серые коробки запросто запихивались мощные двигатели и неплохое вооружение, превращавшие внешне невзрачных работяг в замечательных диверсантов, которые не раз и не два преподносили противникам неприятные сюрпризы.

О, кстати... Я потряс головой, пытаюсь привести мысли в порядок. Нет, положительно, «песок» до добра не доводит. Ну конечно же... Как может обыкновенный «Енот» про-

тивостоять хотя бы одному противнику, если у него из вооружения только и есть что магнитные ловушки-толкатели и маломощные промышленные лазеры, предназначенные для неспешной утилизации всякого космического хлама? Правильно. Никак не может. А раз все-таки противостоит, то это означает что? Значит, это как раз «тот самый» чистильщик и его надо выручать. И полетная инструкция, кстати, тоже предписывает это однозначно.

Я вздохнул и потянулся к панели управления «песком». Эта информация еще означает, что «песок» пора отключать. Надо еще успеть подготовиться к драке: отходняк от «песка» длится не одну минуту.

Щелк. Подача информации прекратилась, безбрежная красота космоса исчезла, и внутренняя отделка кабины, уютная и привычная, прыгнула на меня, как будто соскучившись. Жуть. Ощущения, доложу я вам, не самые приятные. То космос снаружи тебя, то ты снаружи космоса. Так и с ума сойти недолго.

Перед моими глазами появились две ладони. Мои же. Я отстраненно наблюдал, как медленно именно приближаются к моему лицу, закрывают глаза. Голова честно сообщала мне, что лицо начали тереть. Я не менее честно согласился и сообщил голове в ответ, что действие одобрено. Не переживай, мол. Сейчас станет полегче. Однако лицо растиралось, время шло, а легче не становилось. Как будто из другой вселенной на меня повеяло космическим холодом. Я поначалу

перепугался, но тут же понял, что это свои. Родной ходовик решил помочь и включил на полную кондиционер. Чтобы, так сказать, я побыстрее приходил в чувство.

Надо отдать ему должное, у него получилось. Ледяные струи воздуха наконец разогнали пространственную одурь, никак не желавшую покидать все еще грезящую хрустальной бесконечностью голову, и окружающий мир потихоньку начал становиться на свои места.

– Бр-р-р.

Я помотал головой, уже полностью контролируя свои движения. Ну, вроде бы отошел.

– Первый, здесь Третий, – пробурчал я в микрофон шлема.

– Первый на связи, – тут же отозвался Серега. – Ты еще там или уже снова в мире живых?

– В мире, – лаконично отозвался я. К долгим разговорам организм еще не приспособился. – «Песок» выключил, к драке готовлюсь. Ты уже понял, что мы идем выручать Енота?

– А то, – хохотнул Серега. – Если он дерется, то какой же это Енот? А раз так, значит, надо наших вытаскивать. Не иначе опять Экоразведка прокололась.

Я даже скривился. Вот надо было это говорить, а? Нет, к ребятам из Экоразведки претензий никаких – душевнейшие люди, как правило. Но не на задании. Последний раз, когда я вот так же вытаскивал этих чудо-бойцов из передра-

ги, мне это чуть не стоило статуса дэ-ка, тогда еще «четыре». Экоразведчики на самом деле вовсе не суровые бойцы с мужественными взглядами, волевыми подбородками и пламенными речами, как их рисуют во всех художественных постановках. Это бродячие аккумуляторы, заряженные хрен знает какой энергией, которую они сами плохо понимают, куда девать. Причем все до одного. Иметь их на борту – это головная боль, почище любого нападения конвергенов.

Хохот, вопли, шутки, бесконечное броуновское движение по всему кораблю, и ни секунды покоя. Специально их такими отбирают, что ли? О том, чтобы с ними сосредоточиться, нечего и мечтать.

Как при всем этом бардаке они умудряются воевать – для меня загадка из загадок. Хотя в тот раз они явили себя во всей красе. Отбив их изрешеченное корыто у толпы конвергенов, я наивно решил, что война для меня закончилась. Неа. Догнали нас через два дня. Я тогда два «Шмеля» из четырех потерял. А если бы не экоразы – потерял бы всех. Вместе с собственной головой. Что они творили, выкинув меня из кресла пилота, – не описать.

А звания меня чуть не лишили уже в самом конце. За пьянку на борту. Эти ухари умудрились выгнать самогон из продуктов, вытащенных из резервного запаса. Перевернули вверх дном медотсек и соорудили аппарат. Самое удивительное – получилось вкусно.

При взгляде на бирюзовую точку в углу экрана вздох у

меня вырвался сам собой. Что-то они учудят в этот раз?

Я набил на панели данные об изменении курса и касанием пальца отправил ходовику новую вводную. Клипер чуть вздрогнул, меня курс... И тут экран полыхнул красным. Я присмотрелся, и у меня глаза натурально полезли на лоб.

– Серега, – забывшись, позвал я. – Ты тоже это видишь?

– Тревога! – заорал в наушниках голос Первого. – Боевая тревога!

Орать Серега умел, надо отдать ему должное. Мое тело против воли, еще не успев ничего осознать, прыгнуло вперед, судорожно выполняя все движения, предписанные инструкцией в случае атаки конвоя превосходящими силами противника.

Пока ходовик готовил все системы корабля к бою, я лихорадочно пристегивался, проверял работоспособность скаффандра, подтягивал поближе дисплеи и консоли, крепил мелкие предметы, чтобы не летали по всей кабине, когда будем кувыркаться. Мои пальцы автоматически проделывали все движения, вбитые годами тренировок, тело привычно подбиралось, чувствуя неминуемую встряску, а глаза не отрывались от дисплея, где распускался искрящийся форсажными выхлопами цветок, в который превращалась еще секунду назад не выглядящая опасной семейка файратов. Смотрели и никак не могли поверить, что мы попали. Вляпались еще так! Крокодилья семейка путешествовала не двойкой – она вылетела в дальний рейд. Тот самый, когда корабли

сцепляются вокруг несущей матки в клубок, выглядящий на экране радаров одним объектом, и неспешно путешествуют по Галактике в поисках добычи поинтересней.

И вот теперь, похоже, вожак этого рейда решил, что его время пришло.

Двойка, повинаясь приказу крокодильего командира, дружно пыхнула маневровыми двигателями, каждый из объектов раскрылся цветком, выплевывая из себя смертельные споры сплюснутых истребителей, и дисплей передо мной расцвел всеми цветами опасности, которые мог измыслить ходовик. Вместо неторопливой двойки перед моим конвоем красовались две боевые пятерки файратов и две огневые точки поддержки – матки всегда вооружены весьма неплохо.

Н-да, захочешь придумать хуже – так некуда.

– Приготовились, – прохрипел в наушниках Серега, вырывая меня из оцепенения. – Сейчас придется очень много кувыркаться.

– Принято, Первый, – я постарался, чтобы мой голос не сильно дрожал. А то сохраняют записи переговоров, объясняй потом, что это не от страха, а от адреналина. Так тебе и поверили. Я еще раз пробежался взглядом по своим боевым порядкам. – Да, и вот еще что: Гусь, постарайся раньше времени не прыгать.

– Кря, – лаконично отозвался в наушниках Четвертый. Тот самый, который, по идее, должен будет умирать вместо меня.

Ну что с ним будешь делать? Сколько раз ему объяснять, что гуси гогочут?

Глава 4

– База, это двадцать шесть – двенадцать, – хриплый голос, искаженный космическими помехами, прорезал тишину командного пункта. – Вижу их. Семь множественных целей. В каждой по семнадцать единиц. Все боевые, класс не выше крейсера. Прием.

– Принято, двадцать шесть – двенадцать, – отозвался оператор. – Семь множественных целей, семнадцать единиц в каждой. Объявляю готовность «номер один». Продолжайте наблюдение. Прием.

– База, есть продолжать наблюдение. Отбой.

Наблюдатель пропал, а полевой командный пункт Космофлота, расположенный на орбите Плутона, загудел, подчиняясь короткой команде. Готовность «номер один». Не шутка. Следующий шаг – открытие огня. До этого момента внушительные силы Объединенного Космического Флота Земли в настоящем бою бывали всего дважды. И оба раза им противостояли небольшие рейдерские атаки недружественных инопланетян. Собственно, это и были два единственных внеземных контакта человечества. Галактика не спешила хвастаться гостеприимством. Но эта атака была особенной. Космофлоту, который создавался для защиты Земли от враждебных цивилизаций, впервые пришлось выступить против людей. Ну, или почти людей...

– Ну-да, будет жарко.

Царящая в КП суета захватила всех. Команды, окрики, вспышки мониторов. И только два человека, стоящие на командирском возвышении, оставались спокойными посреди всеобщего возбуждения. Один – с генеральскими звездами на погонах, невысокий, крепкий, с характерной стрижкой космонавтов: налысо выбритыми висками, чтобы плотнее прилегали контакты шлема, считывающие биотоки мозга. И второй – высокий, худой, с внушительными залысинами, зрительно еще больше увеличивающими и без того длинный нос, какой-то совершенно немислимой формы. Чуть сутулясь, он нависал над генералом, что-то негромко объясняя. Тот кивал в такт услышанному, прищуренными глазами всматриваясь в хаос, царящий под ним. Вот он отвел взгляд от готовящихся к бою подчиненных и посмотрел прямо в глаза сутулому. Почему-то в этом взгляде не было ни азарта, ни предвкушения битвы, ни даже волнения, свойственного любому человеку, пусть и носящему погоны с большими звездами. Зато там была горечь. Разочарование. Как будто генерал искренне сожалел о том, что ему предстоит сейчас сделать.

– Нет нужды мотивировать меня сверх необходимого, – густой голос, привыкший отдавать команды, вплеся в общую какофонию предбоевой суматохи, но не потерялся в ней, а, наоборот, перекрыл рваный шум, окутавший рубку, как будто вытесняя его из небольшого помещения. – Я офи-

цер. У меня есть приказ, и этого достаточно. Но требовать от меня, чтобы я испытывал радость от предстоящего – это чересчур. В Галактике и без того хватает угроз, чтобы мы тратили силы и средства на войну с людьми.

– Но это не люди, – сутулый не стал даже стараться придать сухому голосу проникновенность и убедительность. Он верил в свою правоту и имел все необходимые полномочия. – Я не буду еще раз останавливаться на результатах экспертиз, доказывающих возникновение нового вида биологических существ. И если бы вы были лейтенантом, то еще имелся бы смысл в патриотических речах. Но вы знаете гораздо больше среднестатистического жителя Земли и можете четче представить себе все проблемы и опасности, которые несет размывание генофонда человечества.

– А также все преимущества от наличия вокруг Земли пояса, заселенного существами, непохожими на остальных жителей Галактики, – невесело констатировал безжалостные факты генерал.

Сутулый погасил снисходительную усмешку.

– И это тоже. Мы не препятствуем развитию сообщества конвергенов, но и не желаем, чтобы они становились полноправными членами земного сообщества.

– Боимся конкуренции? – невесело усмехнулся генерал.

– Ни в коем случае, – быстро (пожалуй, чересчур быстро) ответил сутулый. – Тем более что сам термин «конкуренция» здесь неуместен. Нелюди не могут конкурировать

с людьми, здесь просто нет поля для этого явления. Разве что за право обладания планетой. Но тут мы приходим к защите жизненной необходимости, – он чуть усмехнулся. – Так же как и в случае размывания генофонда. Я развеял ваши опасения?

– У меня их и не было. Мне просто жаль этих несчастных, которые когда-то были людьми.

– Они никогда не были людьми, – в голосе сутулого заскрежетал металл. – Никогда.

– Товарищ генерал, – внезапно ожил дисплей внутренней связи, на котором появилось лицо дежурного связиста. – Вызов на общем канале. Противник просит связи.

– Соедините, – коротко кивнул генерал и повернулся к собеседнику. – Вот сейчас и скажите это им. У меня есть подозрения, что они думают иначе.

– Скажу, – лицо сутулого стало торжественным. Он и вправду верил в то, что говорил. – И не задумаюсь ни на секунду. Соединяйте.

Они повернулись к экрану, на котором появилось лицо... существа. Определенно гуманоидного, но назвать его человеком все же вряд ли решился бы хоть кто-нибудь. Череп правильной формы обрамляли густые каштановые волосы, но на этом сходство с человеком и заканчивалось. Почти круглые выпуклые глаза располагались настолько широко, что появившееся существо можно было сравнить с хамелеоном. Плоский, задранный кверху нос, широкие открытые

ноздри. Тонкая линия рта подчеркивала маленькую нижнюю челюсть. Мелкие зубы располагались в каком-то странном хаотичном порядке. Генерал вздохнул про себя. Да уж, это существо вряд ли можно назвать человеком. Он покосился на сутулого. Grimаса безгливости на его лице говорила сама за себя.

– Генерал Космофлота Беруцкий, – коротко представился командующий. – Кто вы и что вам надо?

– Здравствуйте, господин генерал, – глубокий бархатистый голос, раздавшийся с экрана, никак не вязался с образом нежизнеспособного мутанта, чье изображение помаргивало на экране дальней связи. Этот голос скорее подходил бы профессиональному певцу или актеру. Но тем не менее... – Меня зовут Аблот Курей. Я являюсь руководителем миссии, направленной Сообществом Конвергенов к правительству Земли.

– Миссии? – иронично поднял бровь Беруцкий. – Сто девятнадцать боевых единиц?

– Галактические трассы небезопасны, – невозмутимо поведал с экрана Аблот Курей. – Но целью нашей миссии является не война. Мы просто хотим побывать дома. Все мы. Все те, кого Земля не хочет видеть.

Генерал открыл рот, чтобы ответить, но сутулый опередил его:

– Земля уже один раз высказала свое отношение к вам и вам подобным, – в сухом голосе отчетливо слышались пре-

зрение и брезгливость. – И от того, что в Галактике родилось и умерло несколько звезд, а вы проделали «небезопасное» путешествие, это решение не изменится.

– Но мы все – дети Земли, как ни пафосно это звучит, – вздернул крошечный подбородок Курей. – И мы хотим и имеем право вернуться домой. Туда, где многие из нас родились. Туда, где мы оставили своих жен, детей, братьев и сестер. Мы хотим их видеть. Хотим с ними говорить. Только и всего.

– А хотят ли они видеть вас? – Сутулый собеседник генерала Беруцкого больше не был сутулым. Он выпрямился во весь немалый рост, из его голоса ушла брезгливость. Теперь его наполняла торжественность. Он и в самом деле верил в то, что говорил.

– Мы не можем этого знать, – круглые широко расставленные глаза конвергена сузились, добавляя ему сходства с ящерицей. – У нас нет связи с Землей.

– Она вам и не нужна, – сутулый кивнул, как будто подтверждая что-то, и торжественно продолжил: – От имени Объединенного Правительства Земли я, Хорст ван дер Каарт, комиссар по особым поручениям, объявляю, что границы сферы безопасности Земли неприкосновенны. Любое существо, не имеющее разрешения на пересечение этих границ, будет выдворено за пределы Сферы безопасности. При необходимости мы применим силу.

Он сделал микропаузу, отделяя следующее предложение,

и закончил:

– Вам отказано в выдаче подобного разрешения.

Конверген на экране замер. Долгие, бесконечно долгие секунды он смотрел на двух людей, которые только что отказали ему в праве вернуться домой. Генерал отвел глаза, а сутулый ван дер Каарт, наоборот, еще больше выпрямил спину, всем своим видом демонстрируя непреклонность. Еще несколько секунд молчания. Конверген совершенно человеческим жестом провел рукой по лицу, как будто стирая липкую паутину. В его круглых глазах появилась печаль и горечь. Он протянул руку, чтобы выключить связь, но помедлил мгновение.

– Мы всего лишь хотели вернуться домой.

И прежде чем кто-то смог ответить, экран погас. Переговоры кончились. И тут же ожили системы предупреждения об атаке. Нелюбимые дети Земли все же решили заглянуть в гости...

Через двенадцать часов по земному времени на пульт начальника оперативного штаба Объединенного Космофлота Земли пришел вызов.

– Генерал? – начальник оперативного штаба гражданский директор Андрэ Жугозу выпрямился в кресле, глядя на появившееся на экране лицо генерала Беруцкого.

– Господин начальник оперативного штаба, – глухим голосом начал доклад Беруцкий. – По результатам проведенной боевой операции по недопущению нарушения грани-

цы Сферы безопасности планеты Земля докладывают: операция проведена успешно. Противник отброшен и более не представляет угрозу безопасности Земли. Из ста девятнадцати единиц его флота уничтожено восемьдесят шесть, остальные рассеяны и покинули участок пространства, на котором проводилась операция.

– Генерал... – воодушевился было Жугозу, но Беруцкий продолжил тем же глухим голосом, останавливая ликование:

– Потери в боевой технике составили... тридцать девять процентов, в личном составе – тридцать семь процентов. Особо хочу отметить, что техническая оснащенность и навыки ведения боевых действий противника оказались значительно выше прогнозируемых. Прорыва удалось избежать только благодаря участию в боевых действиях объектов «Страж» и «Миротворец». Если бы не орбитальные крепости, которые мы доставили в сектор, конвергенцы прорвались бы. Просто они тоже не рассчитали.

Он помолчал.

– И я ума не приложу, где они взяли за такой короткий промежуток времени столько боевых кораблей и подготовленных пилотов. Так что у нас, похоже, появилась серьезная проблема. Другими словами, мы выиграли бой, но не войну. В следующий раз они подготовятся как следует.

Жугозу в задумчивости начал постукивать пальцем по боковине пульта. Его воодушевление испарялось на глазах.

– С вами лично все в порядке? – наконец поинтересовался он.

– Так точно, – подтвердил с экрана Беруцкий.

– Отлично. С подробным докладом мы ознакомимся по мере поступления, но командование наверняка захочет выслушать и ваши личные комментарии. Так что возвращайтесь на Землю.

– Есть, – козырнул с экрана Беруцкий.

– И генерал, – позвал Жугозу.

– Да?

– Поздравляю с победой.

– Спасибо.

Экран погас, а начальник Оперативного штаба вывел перед собой на дисплей данные о количестве кораблей, участвовавших в операции, и задумался. Тридцать девять процентов – это были совсем не те цифры, которые могла себе позволить только начинающая осваивать недружественную Галактику Земля. Конечно, можно было списать все на недостаточную компетентность Беруцкого, но это будут интриги. А реальность лежит совсем в другой плоскости. Похоже, человечество собственными руками создало себе огромную проблему. Хотя это с какой стороны посмотреть.

Жугозу не был кадровым офицером. Объединенное правительство Земли решило назначить на эту должность чиновника. И сейчас его мысли ушли в совершенно другую плос-

кость.

Это военные мыслят категориями «победа – поражение», а для Правительства Объединенной Земли это всего лишь вариант «С». Да, пожалуй, именно «С», он подходит больше всего. Что ж, все не так уж и плохо.

Андрэ Жугозу в задумчивости поиграл бровями, как будто просчитывая варианты, и набрал адъютанта.

– Соедините с приемной Главнокомандующего Космическими Силами, – коротко распорядился он. И, взглядываясь в мерцающий огонек вызова, еще раз кивнул сам себе. Да, это определенно вариант «С».

«Удача благоволит подготовленному уму». Кто это сказал? Не помню, кто-то из древних. Совсем древних. Они вообще умные ребята были, эти древние. Хоть и в космосе не летали. Все их мысли ложатся в жизнь как влитые. Во всяком случае, уж в мою-то – точно.

Пока ходовик орал дурным голосом о том, что надо немедленно бежать, я просчитывал варианты. И когда градус истерики бездушного автомата достиг наивысшей точки, я решил с ним согласиться. Бежать, бежать и еще раз бежать. Крокодилы-файраты – это серьезно.

– Вперед! – ткнув пальцем в картину окружающего пространства, развернутую передо мной на боевом планшете, я задал точку назначения и перебросил рычаг хода на максимум.

– За мной! – рывкнул я в микрофоны, дублируя для «Шмелей» приказ, который только что перебросил им мой ходовик. И это было последним осознанным звуком, который издала моя грудь. Дальше пошел только хрип, выдавливаемый перегрузкой из легких, перемежающийся спазматическим смехом. Вот тут уж я удержаться никак не мог. Сквозь натужный рев двигателей, разгоняющих клипер навстречу пятерке крокодильих истребителей, из корабельных динамиков мне отчетливо слышался мат ходовика, не имеющего ни малейшей возможности послушаться приказа, отданного на ручном управлении, но, тем не менее, четко прочитавшем неминуемую гибель при данном маневре. Нет, понятно, что автомат материться не может, во всяком случае я его этому не учил, но слышалось все равно очень отчетливо. Или это у меня от перегрузок?

Но как бы то ни было, а мой маневр сработал. Сработал, в отличие от маневра, предложенного мне ходовиком, который исходил из естественной логики жизни и который замечательно просчитывали фэйраты, не раз и не два сталкивавшиеся с земными кораблями в космосе.

Пространство позади меня расцвело вспышками рвущихся зарядов. Это орудия фэйратов отправляли «подарки» по координатам, вычисленным их ходовиками. Если бы я последовал совету своего автомата, то крокодилам даже готовить ничего не надо было бы – поджарились бы все в лучшем виде. Или они едят пищу сырой? А неважно. Все равно нас

там уже нет. А вот успеть накопить энергию для следующего залпа они не успевают.

Наш клубок настолько близко проскочил мимо идущей встречным курсом пятерки истребителей, что, казалось, я могу различить плоскую синеватую морду файрата, сидящего в головном корабле. Хотя, конечно же, это не так. У них рубки находятся посередине корабля, в глубине. Так что увидеть их нереально. А вот врезать бортовым – запросто. Только я не стану. И энергии жалко, и не следует это делать, мы тут не воевать собрались.

Бах! Дисплей полыхнул красным. Еще раз. Ну зачем?! Кто отдал приказ?! И всего лишь два?

Балбесы, одно слово. Эх, да чего уж там. Поздно уже. Зря Серега отдал приказ на поражение, ей-богу, зря. Крокодилы в рейды ходят только семьями, и потеря каждого как кровная обида. Теперь они не уймутся, пока не отомстят. Если уж решили стрелять, то тогда уж всем флангом. Чтобы как минимум четверых положить. Одинокий файрат драться не будет, он рванет на матку. А вот оставшаяся тройка – запросто. Да еще и подмоги запросит. Ну, все, точно. Два крокодила – минус. Теперь только драка. Смешаться со свалкой вокруг «Енота» и в этой суете выбить файратов?

Я попытался вздохнуть через навалившуюся тяжесть. Ага, выбить файратов. И еще постараться отбиться от той оравы рейдеров (как будто файратов нам мало), которая «Енота» осаждает, да еще уйти без потерь. Обалденный у меня выход

получается. Не зря все приметы перед стартом одна к одной не складывались.

Свалка тем временем приближалась на глазах. До прибытия в заданную точку шевелиться все равно не получится, перегрузка не даст, поэтому я постарался использовать выпавшую возможность, чтобы разобраться. Разобрался. Н-нда.

Семь рейдеров крутились вокруг небольшого «Енота», как волки вокруг заблудшей овцы. Вот только овца в данном случае была с зубами. Несуразный и внешне неповоротливый «Енот» с нелепо торчащими спереди грузовыми мачтами-захватами вертелся между атакующими, словно уж не позволяя взять себя в прицел и все время подходя максимально близко к кому-нибудь из нападавших, чтобы возможный залп накрыл не только его, но и противника. Пока получалось.

Но рейдеры тоже не впервые наблюдали звезды через лобовое стекло. Минута, они наконец исхитрились и одновременно оторвались от «Енота» («рейдеры оторвались от «Енота», как звучит, а?) на расстояние, достаточное для открытия прицельного огня. Мгновение...

Ага, сейчас вам. Я почувствовал, как мои губы сами собой растягиваются в улыбку. Нет, там точно ребята из Эко-разведки. Если рейдерам и требовались какие-то мгновения для принятия решения, то «Енот» уж точно ни в чем подобном не нуждался. Ну еще бы – какие-то жалкие пираты про-

тив лучших пилотов Земли!

«Енот» не остался в одиночестве ни одного мгновения. Дюзы «чистильщика» полыхнули ярким шаром, выдавая явно нештатные для тихохода двигатели, и кораблик буквально прыгнул вперед, идя практически на таран с одним из противников. Вот не страшно ему – и все. Рейдер такой самоубийственной атаки явно не ожидал. И это понятно. Он-то за добычей шел, а не за войной не на жизнь, а на смерть. «Енот» почти протаранил зализанного пирата, в обводах которого откровенно читались конвергеновские корни, и тот не выдержал, прынул в сторону, выпуская чистильщика внутрь только что созданного боевого построения. Ага, пустили козла в огород. То есть овечку в волчью стаю. Вот только волки эти откровенно провинциальные, а овечку пространственному бою учили лучшие преподаватели Земли.

«Енот» окутался голубоватым свечением и на секунду превратился в ежа, пыхнув во все стороны яркими искрами электрических разрядов. Кажущиеся призрачными в пустоте молнии впились в четыре корабля, оказавшихся рядом. Я моргнул. Эта штука называется «Зевс». Гиперконденсатор. На ходу заряжается долго, чуть ли не два часа по корабельному времени, но зато и вмазать может от души. Он и предназначен как раз для поражения объектов внутри строя. Высвобождаемая энергия находит ближайшую массу и... Ну, а дальше кому как повезет.

В данном случае повезло только одному. Три пиратских

(или не пиратских, кто их там знает) корабля превратились в черные безжизненные объекты и медленно поплыли в пространстве, не подавая признаков жизни. И только один из рейдеров, в которых попали молнии «Зевса», пульсируя нестабильным выхлопом, начал медленно отползать в сторону, справедливо ожидая, что сейчас его будут добивать. И по-своему он был прав, добивать-то его доби́ли бы. Такие же волки, как он. Но «Енота» учили по-другому.

Невзрачная посудина нисколько не удовлетворилась поражением большей части противников, а, наоборот, с наглой мордой развернулась и направилась к оставшимся трем рейдерам, ошеломленно зависшим в пространстве. Ну, если честно, то им было с чего ошеломляться: только что они всемером загоняли одинокого чистильщика, как вдруг ветхое корыто в секунду расправилось с четырьмя из них и рвануло к остальным с явным намерением продолжить хорошую драку. Удар по психике был силен. А если еще на одном из этой погибшей четверки был их командир...

Ну точно. Оправиться рейдеры не смогли. Оставшаяся в строю тройка кораблей, вместо того чтобы с удвоенной яростью наброситься на одинокого наглеца, дружно развернулась и кинулась наутек. Вернее, не наутек, а как раз на наш конвой, который именно в это время заканчивал прыжок, выходя из гиперскоростей. Здравс-ьте. Был в древней России такой художник, Илья Ефимович Репин, так у него одна картина называлась «Не ждали». Я почему помню, у нас в

Академии как раз при таких случаях его и вспоминали.

Рейдеры явно не были знакомы с творчеством Репина, но чувства, судя по всему, испытали схожие. Мне их даже немного жалко стало. Потерять больше половины кораблей в стычке с заурядным чистильщиком, провалить весь рейд, позорно бежать от невзрачной посуды, и все только для того, чтобы почти нос к носу столкнуться с выходящей из прыжка шестеркой «Шмелей». Тут у кого хочешь нервы не выдержат.

Три пирата обреченно застыли в пространстве, не менее обреченно наблюдая, как перед ними семь смазанных полос превращаются во вспышки дюз боевых кораблей. В их молчаливой неподвижности читалась даже какая-то скорбь. Пираты замерли, ожидая решения своей незавидной участи. Хотя решать тут, собственно, было нечего. Стрельба по неподвижным мишеням в зоне двухминутного полета, что может быть проще?

Кроткий выкрик Сереги, стена света, накрывающая тройку бедолаг... и настоящим чистильщикам прибавляется работы. Когда-нибудь кто-нибудь да утилизирует три развороченных куска металла, медленно дрейфующих в бескрайних просторах открытого космоса. Все-таки тут не совсем уж глухой район.

– Есть поражение сто, – доложил в наушниках сосредоточенный голос Первого. В смысле, сто процентов уничтожения. Противников больше не существует. Но, тем не менее,

пройтись по поводу незадачливых грабителей Серега не спешит.

Все правильно. У нас, да и у «Енота», совсем другие задачи и совсем другие проблемы. И несчастная тройка рейдеров-конвергенов (а это видно по кораблям) ничто по сравнению с разъяренной восьмеркой фэйратов, висящей у нас на хвосте. А ведь еще у них есть две матки, способные при необходимости превратиться в опорные орбитальные крепости. Огня им хватит.

– Связь с «Енотом» на общем канале! – распорядился я.

Ходовик послушно переключился на частоту, зарезервированную для общего пользования всех землян, встречающихся в космосе. Наушники тут же наполнились рваным далеким шипением, волны в космосе практически не угасают, и на канале всегда можно услышать рваные куски разговоров. Иногда это были разговоры давно умерших людей. Даже так.

– Эй, на «Еноте»! – позвал я. – Приветствую. Здесь конвой УФЕС-В, дэ-ка шесть Егор Савойский. Появитесь.

– Привет, дэ-ка шесть, – прохрипело в ответ из наушников. – Здесь Экоразведка. Третий отдел. Начальник экспедиции Эрик Сванич. Спасибо за помощь.

– Пожалуйста. Правда, не похоже, чтобы она вам была сильно нужна, – ухмыльнулся я в ответ, стараясь спрятать удивление. Да уж, выход получается хоть куда. Еще и Третий отдел мне на голову. Транспортировка живых существ, надо

же. И я не удержался: – А как вас занесло в наши пенаты, если уместно будет поинтересоваться? Да еще на чистильщике?

– Э-э, не совсем уместно, – не смутившись ни на секунду, отбрил меня экоразведчик. – Служба, знаете ли. А у вас все в порядке?

Вопрос был не праздным, просто так на марше в гипер-скорости не уходят.

– Э-э, не совсем, – в тон экоразу сообщил я. – У нас, видите ли, на хвосте восьмерка фэйратов. Семья в рейд шла.

– А почему восьмерка? – искренне удивился Сванич. Он тоже все знал о фэйратах и о том, что с ними по мелочи играть нельзя.

Я вздохнул. Что тут скажешь?

– Так получилось.

– Ясно. – Экоразведка чем хороша, им ничего объяснять не надо и инструктировать – тоже. – «Зевса» зарядить успе-ем?

– Попробуем, – я воспрял духом. – Заходите в строй.

Вот это бойцы! Только что сами из заварушки, и опять туда же. Один раз трюк с гиперконденсатором сработал, так почему бы и не повторить? Тем более что фэйраты про «Ено-та» еще ничего не знают. Я переключился на внутренний ка-нал:

– Первый, здесь Третий, слышишь меня? Принимаем «Енота» в строй. Дистанционная зарядка гиперконденсато-

ра.

– Есть, Третий, – в голосе Сереги тоже слышалось воодушевление. Он все видел, все слышал и все понял. – Смещайся вперед, «Енота» на твое место.

– Понял. – Я дернул подбородком, переключая канал. – «Енот», переходите в центр построения. Клипер смещается вперед, вы – за ним. Как поняли?

– Понял вас, дэ-ка шесть. Клипер смещается, мы в центр. Поехали.

Весь маневр занял три минуты. Это самостоятельно «Зевса» долго заряжать, а если от группы кораблей, то лучше и не придумать. «Енот» юркнул внутрь нашего построения, как будто всю жизнь этим занимался. Его тут же окутало неяркое свечение от энергии, передаваемой на него со «Шмелей». Вообще-то дистанционная передача энергии дело далеко не экономное, но для форс-мажора – самое то.

– Есть заряд, – через несколько минут прозвучал в наушниках голос Сванича, который уже перешел на внутреннюю связь. – Выхожу из строя.

– Противник, – тут же доложили сзади, как будто только этого и ждали.

Я перевел взгляд. На обзорном дисплее заднего вида мерцали тормозящие гиперскорость фэйраты. Все точно, ни секундой раньше, ни секундой позже. Проявившаяся восьмерка тут же чуть раздалась в стороны, готовясь охватить добычу. То, что в добыче тоже восемь кораблей, их не смущало

ничуть. Файраты начинали считать более-менее серьезным перевес сил землян, начиная с двукратного. И, надо сказать, у них были для этого основания.

Средний крокодил-файрат держит перегрузку, на которой у человека из ушей кровь фонтанами хлещет. При небольших скоростях они способны на своих приплюснутых истребителях остановиться на месте, развернуться одним движением маневровых двигателей и рвануть если не в обратную сторону, то уж под прямым углом точно, поливая при этом противника из всех стволов. А если сюда прибавить еще и реакцию, схожую с реакцией настоящих крокодилов... Плюс инстинкты природных охотников, так и не выветрившиеся за миллионы лет эволюции. Да помножить это все на сотни лет в космосе, куда сами люди вышли, считай, только позавчера. Да плюс техническое оснащение (корабли-то у них строились задолго до того, как был изобретен паровой двигатель на Земле). В общем, с файратами земным кораблям связываться категорически не рекомендовалось.

Вот только выбора мне никто не предоставил.

– Третий, вперед! – голос Сереги выкинул меня из созерцания расходящихся в пространстве вражеских кораблей.

И тут же передо мной лег чистый космос. Пятерка «Шмелей», ведомая неугомонными экоразами, развернулась и бросилась на отгормозившихся крокодилов. Именно пятерка, потому что Номер Четвертый, «Гусь», как приклеенный, висел у меня на хвосте. Что бы ни происходило сзади, кто бы

ни уничтожал мой конвой, «Гусь» будет беречь мой хвост, чтобы при плохом раскладе закончить свою жизнь ярчайшей вспышкой, даря мне спасительные минуты. Увы ему, увy. Ну, и мне заодно.

Я как зачарованный уставился на рычаг скорости. Одно движение – и схватка перестанет быть моей. Топливо для разгона еще есть. От этой драки я смогу убежать. А дальше? Да кто его знает, что будет дальше? Может, там чистый космос. А может, и новые проблемы. Но у меня, в любом случае, есть задание. Которое нужно исполнять. Исполнять, оставляя на растерзание весь свой конвой. Ну?

Полированный рычаг поблескивал на панели, ожидая приказа. Маняще искушал, предлагая безопасность... Чего? Чушь какая-то. Собственно, а хрен ли я на него плююсь? Какая безопасность? Куда я собрался? Это все Серега с его командирским рыком сбил меня.

Инструкция вполне позволяет мне бежать. И даже не столько позволяет, сколько настоятельно рекомендует. Задание-то надо выполнять. Но в ней тоже есть ряд пунктов, которые не позволяют просто сбежать, даже не попытавшись выправить положение. А ведь есть еще и Кодекс Космолета. Никем и никогда официально не одобренный, но от этого не менее легитимный, список правил, без которых заволаживающая звездная даль пространства превращается в физическое явление под название «вакуум». Хрустальные капли звезд – в сгустки раскаленной материи, описанные в хи-

мической таблице. А любой пилот комического корабля – в обыкновенного ремесленника, который просто ходит на работу, чтобы скопить немного денег на старость. Старость, которую он проведет в одиночестве, сидя на веранде уединенного дома и отчаянно пытаясь убедить окружающих, что годы, минувшие со дня его рождения, прожиты не зря.

И у него ничего не получится. Никогда не получалось.

– Вперед! – Не обращая внимания на настоятельные требования автомата, рисующего наиболее безопасный и спокойный маршрут, я вычертил на ходовом дисплее управления кривую, выводящую меня с «Гусем» во фланг уже всю раскручивающейся карусели боя. Третьему отделу Эко-разведки выполнять задание, значит, не надо? У них, значит, приказа нет, а у меня есть? Фигушки. Помирать, так с музыкой. И пусть хоть кто-нибудь попробует сказать, что я поступаю неправильно. Да его в ближайшем же баре в кислом пиве утопят, пусть это хоть сам «дядя Дима» будет. Земляне своих не бросают. Ни-ког-да!

Двигатели взревели, глуша какие-то странные звуки, доносящиеся из-под панели управления. Определенно, это одно из двух: либо мой ходовик и в самом деле умеет ругаться матом, либо психологи из Управления люди умные, и мне на полном серьезе пора в какой-нибудь тихий санаторий, подлечивать расшалившееся за время одиночных полетов воображение. Да и ладно, потом разберемся, не до него сейчас.

Перегрузка вжала меня в кресло, звезды поплыли за ло-

бовым стеклом рубки, смещаясь в сторону, и прямо передо мной, на расстоянии минуты лета по одному начали проявляться сероватые сплюснутые тени, хищным полукругом охватывающие идущую полусферой пятерку «Шмелей», прячущих под собой ветхое корытце с несуразными мачтами-захватами на носу.

Так-с, если я хоть что-то понимаю в тактике боя, то сейчас Третий отдел будет удивлять этих ящериц.

Найти правильный ответ мне не дали.

Во-первых, крайний крокодил узрел опасность в нашем с «Гусем» лице и, бросив строй (ничего себе, как похерил дисциплину построения!), развернулся и пошел пересекающимся курсом нам навстречу. Файраты – это вам не конвергеновские рейдеры, они лобового столкновения не боятся. Хотя, по-моему, никто это так и не проверял. Ну, и мы не будем.

– «Гусь», клещи, – бросил я в микрофон и начал забирать влево, изо всех сил надеясь, что Четвертый не станет тупить по Инструкции и не пойдет за мной хвостом. В этом случае ему точно придется жертвовать собой. Файрату мы с ним в фигурах высшего пилотажа не соперники. Нет, не стал. Точка «Гуся» на ходовом дисплее начала смещаться в сторону. Ну, что, крокодильчик, ваш ход. Кому борт будешь подставлять? Выбирай.

Ну а пока мы с «Гусем» играли в поддавки, на основной сцене разворачивалось совсем другое действие. В открытом

бою против фэйратов, да тем более в меньшинстве, шесть на семь, у Сереги с остальными шансов практически не было. Кроме одного.

Если бы не это качество фэйратов, они, наверное, давным-давно всю Галактику пережрали. Но бог следит, чтобы все было честно. И командного духа он крокодилам не дал. Решил, видимо, что с них и так хватит. Но зато самоуверенности он им отсыпал полной мерой. Поэтому если на чем этих ящериц-рептилий и можно поймать, так это на чувстве соперничества.

«Как так? Я, и не первым перехвачу этих тихоходов? Да ни в жизнь!»

Примерно такие мысли сейчас бродили под всеми семью вытянутыми черепами, в семи приплюснутых истребителях, загоняющих очередную порцию дичи. И именно поэтому наш с «Гусем» фэйрат вывалился из строя, наплевав на дисциплину, наплевав на безопасность соседей, чьи борта он так опрометчиво оголял. Ну еще бы, чего там за соседей беспокоиться? Чай, не маленькие, сами справятся. Тем более что и противник так себе. А противник и вправду был так себе. Мало того что слабый, так еще и глупый какой-то. Вместо того чтобы начать перестрелку (в которой ясно кто победит, как по-другому-то?), он выпустил вперед какого-то ремонтника, явно надеясь... вообще непонятно на что. Что космическим охотникам какой-то там ремонтник, или чистильщик, или кто там еще?

А вот тут знаменитая на всю Галактику самоуверенность фэйратов сыграла с ними злую шутку. Вместо того чтобы просто расстрелять неказистое корыто издалека или хотя бы просто сбить его с курса, чтобы и вправду не загромождать пространство схватки, наперерез еле ковыляющему ведру бросились сразу четыре истребителя, явно желающие показать фирменный крокодиловский прием – крест. Когда, пролетая одновременно мимо жертвы на разных курсах, истребители дают слитный залп и корабль на самом деле разрывается на части, причем полыхающие осколки разлетаются четко по направлениям удара, образуя на черном фоне космоса яркий крест.

Вот только такие фокусы хороши в конце боя, в качестве завершающего красивого штриха. А никак не вначале, когда все еще полны сил и зарядов. И уж никак такие фокусы не проходят против Третьего Отдела Экоразведки, да еще и вкупе со «Шмелями» из УФЕСА. Правда, откуда это знать фэйратам? Хотя если уж совсем честно, то им, скорее всего, было бы плевать. И на УФЕС, и на Экоразведку. И может быть, они даже оказались бы правы. Но не в этот раз.

Глава 5

Креста у фэйратов не вышло. Вернее, вышло, только совсем другого креста. Электрического. Гиперконденсатору «Зевсу» никто не рассказывал, что фэйраты – одни из самых сильных бойцов в Галактике. Забыли. А экоразам рассказывали, но они тоже забыли по своему извечному разгильдяйству. И потому четыре смазанных тени, стремящихся разорвать полудохлое корыто на куски, даже не успели открыть огонь, как навстречу им из серого невзрачного тела чистильщика рванулись призрачные ветвящиеся змеи разрядов, которым было совершенно все равно, в какую массу сбрасывать накопленный потенциал.

Тресь!

Нет, мне точно пора в санаторий. Из космоса, по определению, не могло донестись ни звука, но я отчетливо услышал глухой удар, от которого четыре истребителя мгновенно потеряли четкость хода, стабильность выхлопов, да и, похоже, пилотов заодно. Все, как было с рейдерами два десятка минут назад. Мгновение, яркая вспышка, и подавляющее преимущество превращается в оглушительное меньшинство.

Вот тут только надо еще раз напомнить: фэйраты – не конвергены и не рейдеры. Они воины и охотники, у них голова по-другому устроена. Оставшаяся в меньшинстве тройка, да и наш с «Гусем» визави, даже глазом своим крокодилым не

моргнули. Подбили напарников, ну и подбили. В конце концов, все там будем, а воину в бою погибнуть даже почетно.

Сплюснутые истребители не потеряли ни мгновения своего хода, нимало не смутясь двукратным превосходством противника. Я ведь уже говорил, что они с этого момента только начинают принимать противника во внимание.

И закрутилась карусель.

Файраты врзались в строй противника и начали рвать на куски все возможные построения. Минуты не прошло, как бой превратился в бесконечное кружение человеческих двоек и сероватых теней, вертящихся в безумном хороводе.

Крокодилы и вправду творили чудеса, подтверждая свою славу величайших бойцов. Они нарушали все мыслимые и немыслимые законы физики, то застывая на месте и пропуская перед собой лазерные лучи, то ныряя в раскаленные облака плазменных разрывов и вылетая оттуда кормой вперед, умудряясь при этом вести прицельный огонь.

Через несколько минут этой круговерти моя вымокшая до нитки спина с изумлением констатировала ничью. И мне бы очень хотелось, чтобы наши противники думали так же. Но им, похоже, в очередной раз было плевать. Интенсивность кружения и не думала спадать. Наш крокодил вертелся юлой, рассыпая вокруг себя яркие искры боевых разрядов, и в мою голову потихоньку начал закрадываться самый настоящий страх: еще минут десять, ну двадцать... а дальше все. Я просто не выдержу такого темпа.

Очередной выверт, и я только чудом успел перебросить клипер набок, пропуская под днищем очередной заряд. И еще один заряд. И еще. Да сколько их у тебя, и где, черт побери, заснул «Гусь»? И тут к нам пришла помощь.

Вернее, это мне так показалось.

Пространство прошили яркие нити мощных разрядов, и...

И победные вопли моего конвоя быстро превратились в раздосадованные стоны. Через долю мгновения я и сам понял, почему.

Угольно-черную пустоту космоса перечеркнули два силуэта, отдаленно смахивающие на яблочные огрызки. Пустые ячейки в середине и утолщения по краям. Утолщения, напичканные оружием по самое некуда.

Матки. Те самые матки, на которых путешествовала эта истребительная семейка и про которые мы совсем забыли. Точнее, не забыли. Просто помнить о них времени уже совсем не было. А вот у маток как раз оно было. И использовали они его по максимуму.

Каким чудом их залп не накрыл никого из «Шмелей», я так и не понял. То ли они боялись зацепить своих, то ли просто хотели пугануть противника, а остальное доделают истребители. Непонятно. Но они просто дали общий залп, не зацепивший никого из клубка истребителей и «Шмелей», и зависли с двух сторон, давя на нервы и явно показывая, что ждет человеческих безумцев в случае, если они осмелятся

победить в этой схватке. В принципе, это самое «что» человеческих безумцев ждало в любом случае, так что практической пользы эта демонстрация не несла, хотя, надо отдать крокодилам должное, на нервы действовала изрядно.

Бах!

Пространство полыхнуло яркой вспышкой. Это одна из «шмелиных» двоек пересекла-таки сдвоенные лазеры на не успевшем увернуться фэйрате. Надо же, попали. Видимо, от страха перед матками. Вот бы еще нам с «Гусем» так испугаться. Но куда там. «Наш» крокодил выглядел живее всех живых.

И карусель продолжилась.

Выстрел, маневр. Выстрел, маневр. Перекувырнуться через голову. Звон бьющегося стекла. Ай. Что-то я там плохо закрепил.

На экране мелькает «Гусь». Живой пока. И это обнадеживает.

Передо мной выросла стена огня, от которой пришлось шарахнуться в сторону. Крокодил ее как будто и не заметил. Нырнул и пропал. А я не рискнул. Кто его знает, что это такое. И вместе со мной не рискнул туда сунуться и «Гусь»... И весь остальной конвой тоже. Как показывал дисплей ходовика, стена огня, которую сгенерили фэйратовские матки, выросла перед всеми кораблями. И все крокодилы нырнули за нее.

Какая-то мысль начала формироваться у меня в голове,

но реальность оказалась быстрее. И злее.

Огонь пропал. Пропал, как будто какой-то волшебник махнул волшебной палочкой. Р-раз – и вокруг снова непроглядная темнота космоса. Чернота, перечеркнутая ровной серой линией – боевым строем фэйратов. Строем, полностью отделенным от нас. А с каждого фланга на нас пялились «яблочные огрызки». Вот тебе и объяснение: это матки отсекали своих от чужих, чтобы наконец использовать свое колоссальное преимущество в силе огня.

Я попытался потрясти головой, чтобы избавиться от нереального ощущения. Еще секунду назад мы крутили фигуры высшего пилотажа, и все проблемы заключались в выносливости наших физических тел и скорости реакции, и вдруг – бац! И перед тобой расстрельная команда. А ты просто мишень, которую сейчас зажарят. Секунда, не больше – и весь мир перевернулся с ног на голову. Жуть. Голова категорически отказывалась работать в таких условиях.

С экрана на меня смотрели жерла готовых к бою орудий. – Первый, это «Енот», – раздался вдруг в наушниках ровный голос. – Разбегаемся «все вдруг». Не тормози, начали! Идет подмога. Увернись, и сейчас не умрем.

Последние слова он произнес с какой-то странной интонацией. Осознавать ее смысл времени не было. Очнувшись (на это моей головы хватило), я врезал по бедной панели управления чуть ли не кулаком и, уже вдавленный в кресло перегрузкой, успел заметить, как фэйратская линия начала рас-

цветать прихотливыми узорами выстрелов. Красивое зрелище, надо сказать. Если стреляют не в тебя...

Ушел? Ну, поскольку еще могу думать, значит, ушел. Хотя кто его знает. Вдруг после смерти мы тоже можем думать? Никто ведь оттуда не возвращался, чтобы рассказать. Так, серьезнее, дэ-ка шесть, серьезнее, пожалуйста. А то ты тоже уйдешь и никому ничего не расскажешь. Итак, что у нас там сзади? Ух ты! На экране заднего обзора переливалось всеми цветами волнистое одеяло слитного залпа, пожирившее участок пустого пространства, из которого только-только улизнули восемь человеческих кораблей.

И что там Экоразведка про подмогу говорила? Самое время бы ей появиться.

Так, стоп. Я разве что головой не потряс. Какая еще подмога? Откуда? Тут у нас что? Орбита Сатурна, по которой размещены основные склады и опорные базы Космофлота? Или Лунная База? Не многовато ли народу тут шарится для галактической трассы? Ни хрена себе у меня тайная миссия получается...

Только от крокодилов сбежали... Еще раз стоп. Мой взгляд, фиксирующий картинку разлетающихся в разные стороны «Шмелей», против воли заметил какую-то странность. И что тут? Секунда на осмысление, и мне стало нехорошо. «Тут» было шестеро. В смысле, «шестеро кораблей». Шесть – для непонятливых дебилов типа меня. Не семь! Седьмой – я сам. А должно быть восемь. Ну, то есть семь на

экране.

А их шесть!

– Где седьмой? – выплюнул я в микрофон совершенно идиотский вопрос.

И естественно, на него никто и не ответил. Кроме такого же идиотского автомата, который уже привык к моим вывертам сознания. Ну, еще бы, в любом ходовике есть соответствующая программа, которая копит примеры логических высказываний и действий пилота, чтобы потом применять их в жизни. Поэтому и стараются все и всегда ходить на одних и тех же кораблях. Поскольку свои ходовики понимают пилота даже не с полуслова, а с... даже не знаю с чего. Вот и мой старый ворчун сейчас мгновенно понял, что я имел в виду, и услужливо подсунил мне картинку, которая все объясняла.

Лучше бы он ничего не подсовывал.

Четкая картинка рисовала одинокого чистильщика типа «Енот», попавшего под залп крокодильего слоя. Рядом с ним, беспомощно кружась, дрейфовали в пространстве оторванные лапы-манипуляторы. Половина огней не горела, нос корабля был разворочен в клочья. Но, тем не менее, из дюз еще вырывалось рваное пламя. Маневровики были почти целы. Пульсируя нестабильным выхлопом, «Енот» все еще пытался отвернуть и хоть как-то сдвинуться в сторону. Экоразведка не сдавалась до последнего, хотя смысла в каких-либо движениях уже не было. С трех сторон на раненый корабль заходили хищные силуэты фэйратских истребителей. Теперь

не будет креста и взрыва. Будет абордаж, и ценная живая добыча, за которой, собственно, и отправлялась эта семейка.

Я перевел взгляд на монитор. Про «Енота» уже знали все, но ближе всех к покалеченному кораблю... был, естественно, кто? Я, понятно. Дурная голова, не справлявшаяся с сюрреалистическими картинами расстрельной команды, отторгмозила меня, и мой старт был самым поздним.

Три истребителя против еле ковыляющего чистильщика... Или клипера и чистильщика?

Перед моими глазами, как живой, встал наш преподаватель по Уставам Космофлота и служебной документации Дементьев Игорь Игнатьевич. Сухой старичок, наизусть знавший все параграфы длиннейших и нуднейших инструкций, в коих, как в огромном сугробе, можно было похоронить любого пилота Земли.

* * *

– Пункт «Омега», дети мои, – покашливал он в пергаментный кулачок, сидя за преподавательским столом, – придуман специально для сохранения вашей совести в девственном виде. Если на полетном задании нарисована эта древнегреческая буква, то первым чувством вашим, при наблюдении сего явления, должно быть облегчение. А не гордость или страдание относительно сложности миссии.

Он выбрался из-за стола (почему-то, когда речь заходила

о пункте «Омега», он никогда не сидел на месте) и заковылял вдоль стены.

– Эта буква означает, что данное задание настолько важно для Земли, что вам ни за что и никогда нельзя думать, выручать или нет попавшегося вам на пути бедолагу. А вот если его нет, здесь и начинается самое сложное.

– А чего тут сложного? – развеселился кто-то из курсантов. – Земляне своих не бросают. В бой, и все. Устав позволяет.

– Устав? – невесело поднял выцветшие глаза Дементьев. – Устав действительно позволяет. Вернее, оставляет на ваше усмотрение.

Он взял паузу. И было в этой паузе что-то, не позволявшее устроить громкую переброску шутками, чтобы прервать нуднейшую лекцию по служебной документации, которую органически не переваривает любое существо, попавшее учиться в структуру с погонами.

– А это усмотрение, – Дементьев выпрямился, и сухой старичок вдруг куда-то делся. На пышущих непоколебимой уверенностью в своей правоте курсантов сейчас смотрел не полуживой сморчок, с трудом передвигающий сухие ноги по длинным коридорам Академии, а матерый, покрытый боевыми шрамами волк, избороздивший Галактику вдоль и поперек. – Это усмотрение потом может не дать вам заснуть лет эдак двадцать.

– Своих надо выручать, – уже не так уверенно подал голос

кто-то из задних рядов.

– Надо, – Дементьев повернулся в сторону говорившего. Резко, четко, как будто это не он только что ковылял тут походкой одноногой курицы. Он прищурил глаза и начал бросать короткие, злые фразы, которые падали в аудиторию, словно капли яда. Яда, разъедающего все, к чему прикасались. – Выручать надо. Без вопросов. А теперь вводная: старт с Земли плюс четыре «Шмеля». На борту новый командующий сектора. В секторе нападение сводного флота конвергентов и неземных. Связь ненадежна, дешифруется на раз. Расчетное время прибытия – двадцать три часа. Срок доставки – сутки. Дальше блокировка пространства. Десять часов после старта. Солнечная буря. Отставание от графика двадцать шесть минут. И семь минут слева по курсу призма рейдеров захватывает яхту. Три пассажира. Папа, мама, сын. Погулять вышли.

Он опять замолчал. Обвел взглядом решительные лица слушателей. И грустно улыбнулся.

– Отвечать не надо. На задании нет «омеги». Вы будете правы в любом случае. И никто не упрекнет вас, если вы вытащите семью, но не доставите вовремя командующего сектором. А можно и успеть доставить, не повернув голову на лево. И тогда никто даже не вспомнит, что три человека достались рейдерам и сгинули где-то в Галактике на рынках труда. Или к файратам отправились (у вас лекции по межрасовой торговле разумными существами уже были?). Вы пра-

вы в любом случае, – добавил он. Добавил и вновь откашлялся в сухонький кулачок, превращаясь в кабинетного мотылька. Поднял блеклые глаза и обвел взглядом замершую аудиторию. – Вот только потом в каждом баре и каждую ночь вы будете себя спрашивать: «А правильно ли я поступил?»

Он пожал плечами и поковылял на место, бросив через плечо:

– А ответа не будет. Это называется «проклятье выбора».

* * *

Тихая аудитория пропала, и передо мной вновь встал дисплей ходовика. Это моя позиция самая ближняя. И это мой старт был последним.

Я покосился на экран. Поправка. *Наши* старт. Справа, чуть сзади, как приклеенный, висел номер Четвертый в конвое. «Гусь». И мое «проклятье выбора» касается не только задания, но жизни конкретного «Гуся», Данилы Синельникова по прозвищу Буравчик. И если придется решать, то именно его я потащу под орудия фэйратов, из-под которых он может и не выбраться, спасая меня. На Инструкции номера Четвертого «омега» стоит всегда.

Неподъемная тяжесть ответственности собралась улечься на плечи моей нетренированной совести. А я не дал.

Какой там выбор? Какое проклятье? Мы в каком мире живем? Все проклятья посылаются темным космосом и как

можно дальше. Желательно куда-нибудь к совсем неземным расам, типа игнисов, есть, ученые говорят (сам не видел), где-то в глубине Галактики раса огневигов, живущих на поверхностях звезд. По описаниям – вылитые демоны. Вот с проклятиями как раз к ним. Они их любят, если верить мифологии. На завтрак принимать.

А у меня другие цели и задачи. Не до воспоминаний сейчас. И не до сомнений.

Пока голова справлялась со всей этой чушью, руки делали свое дело. Ходовик, привычно выругавшись на тему очередной смертельной опасности, вычертил оптимальную траекторию сближения со все еще огрызающимся «Енотом» и опять перевернул космос вверх ногами. Хотя кто определял, где у него ноги? У меня так центр тяжести всегда на палубе.

При перевороте я привычно зацепил взглядом кувыркнувшегося за мной «Гуся». Прости, Даня, но я за тебя уже все решил. Хотя, я думаю, ты не в обиде. Не одни файраты считают смерть в бою оптимальным концом для пилота. Тем более что мы все еще живы и кто-то даже говорил про подмогу. А Экоразведка (по опыту знаю) умирает медленно, неохотно и без гарантий противнику.

Залп. Ну, как залп. Так, два одновременных выстрела: мой и «Гуся». Но все же, все же... О, сработало!

На экране тройка истребителей изволила все же заметить «спасательную команду». А что? Час назад крокодилов было десять, а теперь только три. Достаточный аргумент, чтобы

хоть немного серьезнее подойти к оценке противника?

Оказалось, что как-то не очень. Файраты пренебрежительно плюнули в нашу сторону зарядами плазмы (от которых мы даже защищаться не стали, просто пропустили мимо) и вернулись к «Еноту». Э-э, нет, так дело не пойдет. Давайте-ка обратно. Я отправил вперед одну из резервных торпед со старинным термоядерным зарядом. Ничего вроде особенного, но если ее не перехватить (а перехватить ее непросто – там движок стоит ого-го), то проблем она может сделать, будьте уверены. Корпуса истребителей с активной защитой она, конечно, не пробьет, но полную защиту от жесткого излучения на истребители пока никто не ставит. Ни одна раса. Непрактично, знаете ли. А в этом случае направленное излучение от взрыва с огромным удовольствием рвет на части систему управления. Причем на кораблях любой расы.

Ага, сработало. Два истребителя все же сообразовали на мгновение отвлечься, чтобы перекрестным огнем развалить на части продолговатую сигару торпеды. Ну, а мне больше и не надо. Пока, во всяком случае.

Содрагающийся впереди «Енот» уже получил пару ударов в мидель от третьего крокодила, и теперь вопрос его жизни решали минуты. Минуты, за которые я (мы, в смысле, с «Гусем») должны успеть... Что?

Процесс уворачивания от противника захватил меня настолько, что придумывать способ, которым я под огнем стану вытаскивать экоразов с разваливающегося корабля, было

некогда. Угу, зато теперь самое время.

Уничтожившая торпеду двойка развернулась уже ко мне. Попенять, надо полагать. Типа что ж ты, паразит, за торпедами своими не смотришь, шляются где ни попадя...

Шмелиная стая далеко позади начала повторять наш маневр. Н-да уж, на этом выборе действительно проклятье. Разное. Когда я принял решение спасти экоразов, оказалось, что решил я не только за «Гуся». Им деваться тоже некуда. Как это они без курьера домой вернутся? Хочешь не хочешь, а Третьего надо вытаскивать. Но они не успевают. Слишком далеко. Слишком.

Сдвоенный залп в качестве извинения для фэйратов, и наша двойка ныряет вниз. Туда, где по миллиметру двигается в пространстве покалеченный чистильщик. От которого... подождите, это что там за прозрачный пузырь? Спаскапсула? Так она же непрозрачная. И еще один. И еще...

Х-ха, даже в этой ситуации меня улыбнуло. Нет, Экоразведка – это все же что-то. Это не спаскапсулы. Это мусорные контейнеры. Герметичные емкости, в которые упаковываются грузы, чересчур ценные, чтобы их уничтожить, и чересчур тяжелые или громоздкие, чтобы оставлять их на борту. Например, части обшивки пропавшего корабля. Чтобы изучать их на месте, нет приборов и специалистов, тащить дальше, нет топлива и места. Вот они и упаковываются в контейнеры, снабженные маячками, и отправляются в свободное плавание. Потом кто-нибудь большой подберет и на Землю до-

ставит.

И сейчас «Енот» от носа до кормы покрылся этими контейнерами, разворачивающимися по всей обшивке. А что, может и сработать. Поди, разбери сразу, в каком из контейнеров спрятался экипаж. Тем более что спускапсулы они тоже будут отстреливать вместе с мусорниками. Ну, точно. Вон они.

Издыхающий «Енот» содрогнулся всем израненным телом и как будто со вздохом отшвырнул от себя целое облако контейнеров. Ну и, естественно, впереди облака летели две спускапсулы. Финальный подарок крокодилам. Иди ищи, в каком пузыре твоя добыча.

Э-э, кстати, а я-то как буду определять?

А крокодилы обиделись. Однозначно. Иначе как можно объяснить мощнейший залп, которым они наградили уже пустой (ой, как я хочу на это надеяться) чистильщик, превратив его в расплавленную грудку искореженного металла? И?.. Дальше? А дальше-то ничего. Не зря экоразы старались. У крокодилов в этой драке какой интерес? Поджарить всех? Ничего подобного. Им трофеи нужны, охотничьи. А из молекул, в которые превращается после взрыва небольшой объект типа мусорника, трофеи никакие. Ни похвастаться толком, ни на зуб положить. Вот они и зависли, точно так же, как я, пытаясь разобраться, в каком из мешков мусор съедобный.

Десять, девять, восемь... Мама родная, это у меня отсчет

пошел до пересечения с толпой мешков. Развернуться мне уже не дадут. Вернее, уйти-то уйду, и «Гусь» со мной, а вот вернуться обратно к облаку контейнеров не получится, матки не пустят. Это они сейчас молчат, не хотят уничтожать добычу. Тем более, с таким трудом достающуюся. А стоит мне отдалиться, врежут со всей силы. А силы у них много.

...пять, четыре... Ну, где же вы. Три! Вот он! Один из серебристых контейнеров полыхнул изнутри вспышкой, просветившей на секунду шесть силуэтов внутри него.

Стоп. Как шесть? Экипаж «Енота» – двое. Ну, трое. Шестеро-то откуда? Тыфу ты, нашел о чем думать! Тем более они же все сказали. Третий отдел. Доставка живых существ. И не только для зоопарков.

Два. Ну же! Умница-ходовик давным-давно приготовил спасательную сеть, предназначенную как раз для вылавливания в пространстве свободно перемещающихся объектов. И теперь она, как большая мухоловка, торчала справа, готовясь подхватить обозначенный и опознанный контейнер. Один! Два!..

Не-е-ет!!!

Файраты не зря считались одними из лучших бойцов Галактики. Секунды, доли секунды потребовались им, чтобы найти правильное решение и тут же претворить его в жизнь. Короткая вспышка плазмы пресекла бранный путь одного из надутых шаров-контейнеров, проплывавших мимо «моего» объекта. Огненное облако, тут же вздувшееся на месте взры-

ва, сбило в сторону шар с экоразами. Немного, на несколько десятков метров. Но этого хватило. Вернее, не хватило. Мусорный контейнер с обреченными разведчиками издевательски проплыл мимо моей кабины. Мне показалось, что я даже могу разглядеть силуэты, воздевающие руки в отчаянном жесте. Хотя какое там отчаяние? Экоразведка и на зубах файратов будет хохмить и прикалываться. Вот только мне от этого не легче.

– Третий, матки! – это ожили наушники голосом Сереги. Вовремя, надо сказать.

Удар-то был силен. Так обломить меня, это надо уметь. И чтобы собраться, тоже нужно время. А его-то как раз у меня и не было. Экоразы уже почти пропали. Но мне от этого сейчас ни холодно ни жарко. У меня помимо всего еще есть задание. А выполнить его может только живой человек. Так что мне еще надо постараться, чтобы и самому не сдохнуть, и конвой за собой не утащить. Иначе мне точно год с призраками по ночам обеспечен. По очереди будут являться. То экоразы, то «Шмели». Как свидетели моего идиотизма.

– Внимание, – это уже ожил дисплей.

Ожил для того, чтобы меня, так сказать, успокоить. Не будет у меня призраков по ночам. Это я сам к кому хочешь смогу явиться. Потому как бранный мой путь заканчивается. Прямо тут.

Мне не надо было иметь сверхмощную оптику, чтобы разглядеть черные жерла орудий, смотрящих прямо на меня.

Одна из маток, рассчитав мою траекторию, вышла точно напротив того места, где я выныривал из облака мусорных контейнеров, оставшихся от «Енота». Выныривал весь из себя расстроенный и деморализованный дальше некуда. Настолько деморализованный, что не стал бросаться под матку очертя голову, а просто выбил на панели управления короткую команду. Давным-давно опробованный, прокрученный и намертво сидящий в электронных мозгах ходовика маневр уклонения, предназначенный как раз для таких ситуаций. Когда ты лоб в лоб идешь на противника, в разы превосходящего тебя огневой мощью.

Лоб в лоб. Встречные курсы в космосе – это секунды, мгновенно исчезающие в непроглядной темноте бесконечного пространства. Никаких шансов на осмысленные действия. При таком раскладе пилот не успевает ничего, кроме набора короткой команды. Проверено. И тут на помощь приходят занудные гении из штаба Оперативного Управления, сидящие на Земле и никогда в своей жизни не поднимающиеся в космос дальше орбиты Луны. Им и не надо.

Они этот космос вдоль и поперек изучили на симуляторах. Они излазили его по картам, передаваемым с каждого корабля. Они прочувствовали его через каждую запись, предоставленную побывавшим в незнакомом месте экипажем. Они повоевали со всеми противниками, которые когда-либо встречались землянам. И они там умирали. Не раз, не два и не три. Умирали, чтобы воскреснуть и рассказать

остальным, что есть верный путь к вечной жизни. В смысле, что они знают, как не попасть под залп в той или иной ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.